

The 3rd Korea-Central Asia International Conference

Central Asia's Identity in
Politics and Culture
: the Present and the Future

November 26, 2010

VENUE

Conference Room
C2B01, Hanyang Cyber Univ. Bldg.
Hanyang University, Seoul, Korea

Hosted by

Asia-Pacific Research Center,
Hanyang University

Sponsored by

Korea Institute for International Economic Policy

PROGRAM

Central Asia's Identity in Politics and Culture : the Present and the Future

13:40-15:40 Session I

Geopolitics and Foreign Policy in Central Asia

Chair:

Ko, Jae Nam (Professor, Institute of Foreign Affairs and National Security)

Papers:

- Chyngyz Eshimbekob (Charges d'affaires a.i., Embassy of the Kyrgyz Republic)
"The Current Situation of the Kyrgyz-Korea Diplomatic Relations and a Future Direction for Strategic Cooperation"
- Sultanov, Bulat K. (Director, The Kazakhstan Institute for Strategic Studies)
"Kazakhstan and Central Asian Countries: Realities and Prospects"

Discussants:

- Kang, Bong Gu (Hanyang University)
- Park, Sang Nam (Hanshin University)

15:40-16:00 Coffee Break

16:00-18:00 Session II

Socio-cultural Changes and National Identity in Central Asia

Chair:

Eom, Gu Ho (Director, APRC)

Papers:

- Larina, Elena (Professor, Faculty of History, Moscow State University)
"Traditional Social Institutions and Ethnic Identities in Central Asia under the Globalization"
- Chaikovskii, Sergei (Professor, Chongju University)
"The Search for Identity in the Central Asia: Between Post-Soviet Culture and Eurasian Civilization"

Discussants:

- Jung, Se Jin (Hanyang University)
- Tikhonov, Vladimir G. (Hankuk University of Foreign Studies)

CONTENTS

Session I: Geopolitics and Foreign Policy in Central Asia

- The Current Situation of the Kyrgyz-Korea Diplomatic Relations and a Future Direction for Strategic Cooperation / **Chyngyz Eshimbekob** 7
- Kazakhstan and Central Asian Countries: Realities and Prospects / **Auelbaev, Bulat A.** 17

Session II: Socio-cultural Changes and National Identity in Central Asia

- Traditional Social Institutions and Ethnic Identities in Central Asia under the Globalization / **Larina, Elena** 33
- The Search for Identity in the Central Asia: Between Post-Soviet Culture and Eurasian Civilization / **Chaikovskii, Sergei** 61

Session I :

Geopolitics and Foreign Policy in Central Asia

Chair:

Ko, Jae Nam (Professor, Institute of Foreign Affairs and National Security)

Papers:

- **The Current Situation of the Kyrgyz-Korea Diplomatic Relations and a Future Direction for Strategic Cooperation**

Chyngyz Eshimbekob (Charges d'affaires a.i., Embassy of the Kyrgyz Republic)

- **Kazakhstan and Central Asian Countries: Realities and Prospects**

Auelbaev, Bulat A. (Head of the Foreign Policy Studies Department
, The Kazakhstan Institute for Strategic Studies)

Discussants:

Kang, Bong Gu (Hanyang University)

Park, Sang Nam (Hanshin University)

The 3rd Korea-Central Asia International Conference

**Central Asia's Identity in Politics and Culture
: the Present and the Future**

Session I

Geopolitics and Foreign Policy in Central Asia

**The Current Situation of the Kyrgyz-Korea Diplomatic Relations
and a Future Direction for Strategic Cooperation**

Asia-Pacific Research Center, Hanyang University, Seoul, Korea,

November 26, 2010

Chyngyz Eshimbekob

Charges d'affaires a.i., Embassy of the Kyrgyz Republic

3rd Korea-Central Asia International Conference

Central Asia Identity in Politics and Culture: Present and the Future

November 26, 2010, Nanyang University

Paper: Chyngyz Eshimbekov “The current situation of the Kyrgyz-Korea Diplomatic relations
and future direction for strategic cooperation”

**Современная ситуация в кыргызско-корейских дипломатических отношениях
и будущее направление стратегического сотрудничества.**

Ч.Эшимбеков

Хотел бы выразить признательность Центру исследований Азиатско-Тихоокеанского региона Университета Ханьян и Корейскому институту экономической политики за инициативу проведения нынешнего семинара. Тема семинара об идентичности Центральной Азии в политическом и культурном измерении продолжает оставаться актуальной и востребованной не только для международных исследователей, но также для самих представителей политических и научных кругов рассматриваемого региона. В данном случае, интерес корейских исследователей к пониманию этого многообразного мультикультурного региона Центральной Азии и проецирование этого понимания на построение правильного или прагматичного подхода в современных международных отношениях может нами только приветствоваться.

В этой связи мне как представителю кыргызского посольства в Сеуле чрезвычайно интересно принять участие в сегодняшнем обсуждении, более того для меня большая честь выступить сегодня перед авторитетной аудиторией и поделиться взглядами на настоящее и будущее сотрудничества между Кыргызской Республикой и Республикой Корея.

31 января 2012 года исполнится 20 лет со времени установления дипломатических отношений между Кыргызской Республикой и Республикой Корея. С какими результатами наши страны подходят к этой юбилейной дате? Как известно, в международных отношениях существуют различные термины, которые наилучшим образом характеризуют тот или иной уровень сотрудничества между государствами. Следует сразу отметить, что Кыргызская Республика и Республика Корея пока не

вышли на уровень стратегического партнерства. Вместе с тем, мы рассматриваем установившееся сотрудничество как дружественное, взаимовыгодное и имеющее большой потенциал для развития. Ю.Корея является одной из приоритетных для нас стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ю.Корея также оказывает помощь Кыргызской Республике в проведении рыночных реформ.

В первую декаду после установления дипломатических контактов наши отношения развивались на самодостаточном уровне и ограничивались единичными визитами и договоренностями. Однако на протяжении последних десяти лет постепенно выкристаллизовались сферы сотрудничества, в которых стороны имеют либо практический интерес, либо взаимодействие развивается вне координации государственных органов. К первым следует отнести гуманитарное сотрудничество двух стран в рамках содействия восстановлению Афганистана в 2001-2002 годах, трудовая миграция кыргызстанцев в Ю.Корею, техническая помощь Правительства Ю.Кореи по линии Корейского агентства международного сотрудничества, поддержка корейским правительством этнических корейцев в Кыргызстане. Ко вторым можно причислить туризм в обеих направлениях, в том числе бизнес-туризм и ограниченную торговлю, развитие культурных и религиозных контактов. С открытием посольств двух стран в Сеуле и Бишкеке в 2008 году спектр возможностей по развитию взаимовыгодного сотрудничества значительно возрос. Правительства наших стран взаимодействуют как на двусторонней основе, так и в рамках различных международных форумов и организаций. Особое значение приобрело сотрудничество в Форуме Центральная Азия - Корея, где представители стран Центральной Азии и Кореи обмениваются опытом в сферах практического интереса. Например, в ходе прошлогоднего форума на повестке были вопросы энергетики, образования и здравоохранения.

В последние годы активно идет процесс туристической и трудовой миграции между нашими странами. Кыргызстан со своими богатыми природными красотами и экологическим разнообразием привлекает корейских туристов, некоторые из них посетив один раз Кыргызстан задумываются о развитии бизнеса с нашей страной. А кыргызские граждане приезжают по квоте Правительства Кореи и трудоустраиваются на местных предприятиях, многие из них позже становятся бизнесменами и развивают торговлю с Кореей. Некоторые квалифицированные специалисты из Кыргызстана преподают в образовательных учреждениях Кореи. Важной составляющей

сотрудничества является помощь Правительства Ю.Кореи в подготовке человеческих ресурсов Кыргызстана посредством предоставления стипендий для наших студентов, а также приглашения специалистов на краткосрочные курсы по линии Корейского агентства международного сотрудничества.

Наряду с этим, еще предстоит большая работа по развитию экономического блока двусторонних отношений, так как именно в этой сфере развитие было недостаточным. Если рассмотреть структуру двусторонней торговли, то за все эти годы наблюдалось превалирование корейского экспорта на 90%. Товары экспортного качества из Кыргызстана не пробивались на корейский рынок за редким исключением. Объемы торговли росли невысокими темпами.

В 1992 г. двусторонний торговый оборот составил 994 тыс. долл., из которых кыргызский экспорт превысил 937 тыс. долл., а импорт из Ю.Кореи - 57 тыс. долл. Основным экспортным товаром стали сурьма и изделия, включая остатки металла. В качестве импорта в Кыргызстан поступили корейские электронные калькуляторы и карманные устройства для записи данных.

Объем импорта из Ю.Кореи последовательно увеличивался в виде поставки электрических проводников; телефонных аппаратов и деталей для телеграфной линии; электрические звукоусилители, табачные изделия, строительные материалы и нефтепродукты.

В 1998 г. торговый оборот достиг 29 млн. 127 тыс. долл., в то время как в предыдущем году этот индекс составлял 8 млн. долл. Из Ю.Кореи были импортированы табачные изделия, хлопчатобумажная и трикотажная одежда, поддержанные шины, медицинские вакцины и т.д.

В дальнейшем объем торгового оборота варьировался с небольшими изменениями в суммарном выражении, однако за 2004 г. вырос до 53 млн. 184 тыс. долл., из них более 90 % составил корейский импорт. С этого периода наблюдается увеличение двусторонней торговли, достигнув в 2007 г. и 2008 г. - 136 млн. 983 тыс. долл. и 168 млн. 910 тыс. долл. с сохраняющимся превалирующим импортом около 95 %. Импортными статьями из Кореи в Кыргызстан стали трикотажная продукция, табачные изделия, компьютеры, автозапчасти и грузовой транспорт. В свою очередь, Кыргызстан экспортировал в Ю. Корею - злаки и пшеницу, мёд и сухофрукты, сталь, химическую продукцию, неметаллические минералы и сырье, медицинскую продукцию, пластик, промышленную и бытовую технику и оборудование.

Однако в последующем отмечается значительный спад в торговом обороте, вероятно под влиянием мирового финансового кризиса, объем торговли в 2009 г. составил 101 млн. 293 тыс. и за период январь-октябрь 2010 г. – 89 млн. 191 тыс. долл, где кыргызский экспорт не превысил 3 %. Основные статьи импорта – поддержанные автотранспорт и шины, изделия из железной и стальной проволоки, ткани и кухонные полотенца, готовые продукты на основе экстрактов, эссенций или концентратов. В то время как из Кыргызстана экспортированы известняковый камень, б/у одежда, макулатура и отходы, уголь (кроме антрацита и каменного угля), антилригит гипса.

В 2010 г. в качестве импорта добавлены новая статья - полиэтилен с удельным весом менее 0,94. Экспортные статьи – необработанная титановая пудра, известняк, камни для памятников или строительства, продукция из синтетических и химических волокон (одежда).

Следует отметить, что основными импортерами корейской продукции являются кыргызские бизнесмены, корейские бизнесмены не столь активны в поставках кыргызской продукции на корейский рынок. В 2010 году сделана попытка оказать содействие развитию кыргызского экспорта в Ю.Корею путем установления институционального сотрудничества между Министерством экономики Кыргызстана и Корейской ассоциацией импортеров.

В сфере инвестиционного сотрудничества имеются разрозненные данные об объемах финансовых вложений корейских компаний. Согласно корейским данным общий объем инвестиций из Кореи составил около 66 млн. долларов США.

Вышеприведенная картина экономических взаимоотношений между субъектами бизнеса двух стран требует анализа с точки зрения возможностей для форсирования деловых отношений между двумя странами.

В целом, между двумя странами для регулирования взаимоотношений заключены следующие основополагающие соглашения:

- Протокол об установлении дипломатических отношений.
- Совместная декларация об основах дружественных отношений и сотрудничестве.
- Соглашение о культурном сотрудничестве.
- Соглашение об установлении авиасообщения.
- Соглашение о сотрудничестве в области туризма.
- Протокол о сотрудничестве между министерствами иностранных дел.
- Соглашение о поощрении и защите инвестиций.

- Протокол о сотрудничестве между министерствами культуры двух стран.
- Меморандум о создании электронного правительства.

Таким образом, наиболее активная фаза межгосударственного сотрудничества началась с 2006-2007 годов. К этому времени относится инициирование Правительством Ю.Кореи Форума сотрудничества Республики Корея и Центральной Азии. В 2007 году Премьер-министр А.Атамбаев подписывает в Сеуле договор об экономическом сотрудничестве. В 2008 году открылись посольства двух стран. С открытием посольств стороны связывают надежды на улучшение взаимодействия во всех сферах взаимного интереса. В том же году Правительство Ю.Кореи включает Кыргызстан в список приоритетных партнеров Официальной помощи развитию. Трансформировалась ли упомянутая положительная динамика в экономические, инвестиционные и другие проекты развития? На этот вопрос нельзя ответить однозначно без рассмотрения вопросов внутривластного развития в Кыргызстане, а также внешнеэкономических приоритетов Ю.Кореи.

В сравнительном выражении сотрудничество Ю.Кореи с Казахстаном и Узбекистаном среди стран Центральной Азии является наиболее продвинутое. Этому причиной являются не только приоритеты Правительства Ю.Кореи, но и объективные экономические предпосылки, где найден соответствующий баланс между экономическими интересами стран-партнеров. В случае с Кыргызстаном, я бы отметил, что поиск наиболее оптимальной модели сотрудничества все еще продолжается. В этом процессе большую роль должны сыграть, конечно, корейские научные и деловые круги. Полезной площадкой для обсуждения упомянутой модели сотрудничества становится также ежегодный диалог экспертов в рамках форума сотрудничества Центральная Азия-Республика Корея.

Хотел бы выделить еще один, по моему мнению, наиболее важный аспект, который повлияет на будущее кыргызско-корейских отношений в качественном отношении. Это идущая трансформация политической системы в Кыргызстане. В апреле 2010 года народное восстание свергло прежний режим, выразив протест против коррупции и беззакония. Серьезным испытанием для государства стали спровоцированные в мае и июне межэтнические столкновения в городах Ош и Джалал-Абад, унесших жизни сотен граждан Кыргызстана. Весь мир стал свидетелем резкой дестабилизации ситуации на юге Кыргызстана, когда радикальные силы, криминальные и экстремистски настроенные группировки спровоцировали кровопролитные

столкновения между представителями кыргызской и узбекской общин, веками мирно живших и работавших бок о бок друг с другом. Была цинично использована нерешенность таких проблем как бедность, высокий уровень безработицы, коррупция, неравенство в доступе к экономическим и финансовым ресурсам. В этот сложный период здоровые и патриотические силы кыргызского народа под руководством президента и при содействии международного сообщества сумели консолидироваться и стабилизировать ситуацию вопреки мрачным прогнозам иностранных обозревателей о развале государства.

Дата 27 июня 2010 года вошла в историю Кыргызстана как исторический день, давший ход демократическим преобразованиям. В этот день путем всенародного референдума принята новая конституция, заложившая основы парламентской системы правления в стране. Следует отметить, что основным назначением принятой конституции является новый политический порядок, направленный на восстановление доверия граждан. Они заключаются в ограниченности срока пребывания лица в должности Президента, а именно 6 лет и недопустимости занятия поста Президента дважды.

В целях недопущения узурпации власти, в новой Конституции из компетенции Президента были исключены такие полномочия как право законодательной инициативы, назначения референдума, определения основных направлений внутренней и внешней политики, назначения и освобождения на должности глав местных государственных администраций. Президент лишен права неприкосновенности.

По новой Конституции в новом составе парламента состоит 120 депутатов, парламент утверждает программу деятельности правительства, определяет состав правительства, за исключением руководителей государственных органов обороны и национальной безопасности.

10 октября состоялись выборы в парламент, которые были признаны всеми иностранными наблюдателями и мировыми державами как прозрачные и объективные. В настоящий момент идет процесс формирования правительства победившими на выборах партиями.

Почему Кыргызстан выбрал парламентскую форму правления? Для Кыргызстана это был фактически смелый шаг в направлении абсолютно новой формы правления в регионе Центральной Азии. Но у нас был только этот выбор. В течение 19 лет истории страны после распада СССР, мы в действительности не добились успеха в достижении хорошо сбалансированной системы добросовестного управления, основанной на

демократических институтах, правосудии, общественной подотчетности и прозрачности работы государственных органов. Вместо этого, у нас был неудачный опыт с нашими двумя предыдущими президентами, которые сконцентрировали все полномочия в собственных руках, что породило кумовство, высокий уровень коррупции, бедности и безработицы. Поэтому 19-летний опыт безуспешной президентской системы в Кыргызстане стал причиной для изменения Конституции.

Парламентская демократия - действительно новая форма политической системы для Центральной Азии. Сегодня авторитетные отечественные и иностранные эксперты, международные организации отмечают, что история дала Кыргызстану шанс выстроить другую модель жизни общества, способствовать политическому развитию нашей страны. Следует также отметить, что кыргызскому народу издревле была присуща модель кочевой парламентской демократии. Все важнейшие решения народом принимались на Курултае - съезде народа. Поэтому мы верим, что парламентская демократия будет успешна в Кыргызстане.

Новая Конституция Кыргызстана возвращает страну в правовое поле, и таким образом, должна помочь стабилизации, экономическому развитию и защите свобод граждан. Новая Конституция дает возможность гражданам защищать свои права и добиваться их обеспечения со стороны чиновников. Конституция гарантирует гласность и открытость, справедливость решений. При активной гражданской позиции граждан появится возможность пресекать любые попытки узурпации власти и коррупции, тем самым появятся предпосылки для установления прозрачных экономических взаимоотношений между бизнесом и государством, привлечения инвестиций, повышения благосостояния граждан Кыргызстана.

На сегодняшний день идет разработка Национальной программы «Возвращение к демократии», которая представляет собой стратегический документ для реформирования институтов управления и законов в соответствии с новой Конституцией. Мероприятия по реализации программы сосредоточены на 4-х направлениях развития:

- Демократическое управление включает в себя совершенствование институционального механизма, обеспечивающее четкое разделение ветвей власти, повышение качества и прозрачности государственных услуг, приведение выборных процедур в соответствие с международными стандартами

- Обеспечение прав и свобод граждан призвано обеспечить повышение эффективности судебных органов, адвокатуры, обеспечение равных возможностей, защиту прав собственности, поддержку внешнеэкономической деятельности, разработку политики перехода на инновационную модель экономики.

- Развитие потенциала гражданского общества через расширение гражданских инициатив в процессах принятия решений, создания благоприятных условий для независимых СМИ, обеспечения прозрачности государственной системы через механизмы гражданской экспертизы

- Верховенство закона включает выполнение конституционных норм, эффективность прокурорского надзора, независимость судей, правовая грамотность населения.

Последовательное решение задач в области демократизации и прозрачности государственной машины должно создать необходимые предпосылки для успешного развития деловой среды и благоприятного инвестиционного климата. В предыдущие годы, несмотря на сравнительные преимущества нашей экономики по отдельным отраслям, иностранные инвесторы могли зайти на наш рынок только в обход государственных структур посредством теневых договоренностей с основными брокерами. Соответственно доля недобросовестных инвесторов в экономике Кыргызстана была довольно большой. В текущем году правительством были приняты ряд решений по национализации, что было вызвано исключительными обстоятельствами с целью аннулировать последствия незаконных приобретений собственности путем рейдерских захватов, покупок по заниженным ценам и использования административного ресурса со стороны предыдущих властей. Наряду с этим 26 апреля был принят декрет правительства о защите инвестиций. Иностранным и отечественным инвестициям в соответствии с законом «Об инвестициях» гарантируется и сохраняется справедливый, равный правовой режим, включая гарантии защиты привлеченных ими инвестиций в экономику Кыргызской Республики.

Президент и правительство провозгласили открытость политики государства по отношению к бизнесу. Честная конкурентная борьба должна стать заслоном коррупционным схемам. В основе направлений экономической политики значатся следующие:

- борьба с коррупцией в регулятивных органах, реформа бизнес-среды по всем направлениям.

- отказ от продвижения семейных и клановых интересов, открытая приватизация.

- антимонопольная политика в интересах народа, обеспечение открытости и прозрачности монополий.
- народная энергетика, требования прозрачности и контроля над топ-менеджерами.
- постоянно действующая площадка для диалога между бизнесом и властью.
- повышение конкурентоспособности экономики.

Упомянутые выше критически важные аспекты государственной реформы в Кыргызстане должны привнести с собой качественное обновление в сфере внешнеэкономического сотрудничества со странами региона, а также с основными партнерами, в том числе с Республикой Корея.

Следует отметить, что новая власть будет выстраивать отношения со всеми дружественными странами, исходя из накопленного позитивного опыта и на принципе соблюдения всех ранее заключенных договоренностей и обязательств. Таким образом, я уверен, что кыргызско-корейские отношения будут только улучшаться.

В заключение хотел бы остановиться на направлениях будущего сотрудничества. Двусторонний торговый оборот действительно мизерный и не отражает потенциальных возможностей наших стран. По моему мнению, имеется целый ряд факторов, которые необходимо адресовать. Во-первых, экспортные возможности Кыргызстана по настоящему еще не раскрыты и прогресс обязательно будет по мере развития экономики Кыргызстана. Ведь уже сейчас можно говорить о прибыльности продажи в Корею кыргызских экологически чистых продуктов питания, продукции горнорудной промышленности. В этом контексте роль корейских предпринимателей, готовых осуществлять импорт из Кыргызстана очень важна. Ведь недаром, весь корейский экспорт в Кыргызстан осуществляется кыргызскими бизнесменами.

Во вторых, солидный корейский бизнес еще не достаточно активен в Кыргызстане, а инвестирование экспортно-ориентированных производств в Кыргызстане, по моему мнению, будет основным трендом развития на ближайшие годы. Между тем, китайские, российские, иранские и турецкие компании уже давно работают в Кыргызстане.

В третьих, недостаток информации о возможностях ведения бизнеса в Кыргызстане, вернее недостаток позитивной информации должен восполняться через постоянное развитие контактов, бизнес-семинаров, публикаций. Тем более, что в Кыргызстане сейчас открываются новые перспективы для корейских корпораций. Открытость и

транспарентность станут залогом успешного сотрудничества деловых кругов двух стран.

И, наконец, важна роль правительств двух стран в открытии новых направлений для стратегического сотрудничества в 21 веке. В этом контексте Ю.Корея, которая достигла значительных успехов в своем экономическом развитии и имеет все возможности занимать лидирующие позиции в международном развитии, активно привлекает Кыргызстан к сотрудничеству в рамках определенных отраслевых направлений. Нам интересны инициативы Ю.Кореи в области «зеленого роста», развития новых двигателей роста, экологически чистых источников энергии. В определенном смысле новая экономическая политика Президента Ли Мен Бака созвучна нашему желанию перейти на модель инновационного развития экономики. Подобных «точек роста» в развитии двустороннего сотрудничества можно найти немало... требуется взаимный интерес и кропотливая работа на всех уровнях.

В заключение хотел бы отметить, что наши народы имеют общие корни, наши языки принадлежат к урал-алтайской языковой группе. Имидж Ю.Кореи среди кыргызстанцев очень популярен. Привлекает образ успешной страны, которая вошла в ряд развитых стран мира. Стали популярными корейские кинофильмы. Работая в Посольстве в Сеуле, я пришел к выводу о необходимости более широкого культурного и образовательного обмена между нашими народами. В этой связи хотел бы привести слова великого кыргызского писателя Чингиза Айтматова, который сказал, что "какие бы экономические и индустриальные свершения не достигались, в конце концов любые достижения будут измеряться культурой и духовностью".

26 ноября 2010 года, Сеул.

The 3rd Korea-Central Asia International Conference

**Central Asia's Identity in Politics and Culture
: the Present and the Future**

Session I

Geopolitics and Foreign Policy in Central Asia

**Kazakhstan and Central Asian Countries
: Realities and Prospects**

Asia-Pacific Research Center, Hanyang University, Seoul, Korea,

November 26, 2010

Auelbaev, Bulat A.

Head of the Foreign Policy Studies Department,
The Kazakhstan Institute for Strategic Studies

Казахстан и страны Центральной Азии: реалии и перспективы.

Ауелбаев Булат

Преимущества региональной интеграции

Сотрудничество Казахстана со странами Центральной Азии является одним из главных приоритетов казахстанской внешней политики. Одновременно с этим казахстанская сторона выдвигает интеграционные инициативы не только в плане двухстороннего сотрудничества, но и создания системы региональных взаимоотношений. Идея углубления политико-экономических отношений между центральноазиатскими странами имеет под собой достаточно веские обоснования:

Во-первых, **государства Центральной Азии испытывает единый комплекс угроз и вызовов глобального мира**, перед которыми коллективный принцип обеспечения региональной безопасности более эффективен, чем отдельная национальная позиция в этой сфере. Выработка общих механизмов по предотвращению проникновения в регион негативных факторов из Афганистана, одновременно с этим содействие мирному урегулированию афганской проблемы и продвижение центральноазиатских экономических интересов в эту страну могло бы стать одним из объединяющих трендов интеграционного сотрудничества стран Центральной Азии;

Во-вторых, **центральноазиатские республики имеют большой и до сих пор не востребуемый потенциал взаимного дополнения экономик**, в частности в сфере энергетики, водных ресурсов, транспорта и коммуникаций, продовольственного обеспечения. В этом отношении стремление к объединению усилий в управлении гидроресурсов и энергетики, транспортных систем и продовольственных рынков может в перспективе позитивно отразиться на росте социально-экономических показателей;

В-третьих, **центральноазиатские страны обладают большой в совокупности социальной базой, а также достаточным количеством энергоресурсов и природного сырья**, для того чтобы создать технологичную и конкурентную в глобальных экономических отношениях региональную экономическую модель;

В-четвертых, **тесные взаимоотношения между странами могли бы правовым образом решить миграционную и демографическую проблему в центральноазиатском регионе.** Растущая экономика Казахстана нуждается в сезонной рабочей силе, одновременно с этим в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане наблюдается избыток трудовых ресурсов. При составлении квоты на прием трудовых мигрантов, необходимым является учет потребностей в рабочей силе малого, среднего бизнеса и индивидуальных хозяйств с одновременным законодательным урегулированием социальных и трудовых отношений работодателя и иностранного наемного рабочего. В данный момент этот процесс проходит в обход национального законодательства, с нарушением прав и свобод человека. Тесное региональное сотрудничество могло бы снять множество негативных моментов в миграционной сфере;

В-пятых, **большие возможности имеются в развитии культурно-образовательной области и туристической сферы.** Объединение ресурсов по этим направлениям могло бы сформировать в мире единый привлекательный образ Центральной Азии как исторического моста мировых цивилизаций, по которому был проложен Великий Шелковый путь, и современного перекрестка глобальных и региональных рынков.

В институциональном и правовом отношении между республиками уже имеется нормативная база для развития интеграционного сотрудничества, в частности созданы межгосударственные координационные советы между Казахстаном и Узбекистаном, Казахстаном и Кыргызстаном, Казахстаном и Таджикистаном. Подобные советы действуют между Узбекистаном и Таджикистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. На региональном уровне функционирует Международный Фонд спасения Арала (МФСА).

Данные межправительственные институты обсуждают актуальные вопросы в области приграничного сотрудничества, энергетики, транспорта, сельского хозяйства, рационального использования водных ресурсов.

Также необходимо учитывать качественные изменения в республиках Центральной Азии за годы независимости. Государства региона стали позиционировать себя самостоятельными субъектами глобального мира. **В этой связи необходимо, обозначить баланс интересов, когда страны региона, вступая в разнородные международные отношения, стали бы отдавать большее предпочтение**

региональной интеграции перед разноразмерным выбором различным геополитическим центрам силы.

Проблемы регионального сотрудничества

Несмотря на большие возможности для полномасштабной интеграции между Центральноазиатскими республиками этот потенциал до настоящего времени не находит своей реализации. Напротив, в регионе наблюдаются процессы размежевания между странами, и центробежная инерция пока не преодолена. **Основная причина такого положения, лежит в разнонаправленном развитии национальных экономик и противоречиях по использованию того хозяйственного комплекса, который мог бы объединить пять республик в интеграционное региональное образование.** Разность подходов и точек зрения по отношению координации финансовых и торгово-экономических отношений, энергетических и водных ресурсов, транспортно-коммуникационных систем и экологических зон затрудняют продвижение реальных интеграционных проектов.

К общим проблемам Центральноазиатского сотрудничества можно отнести следующие факторы:

1. На протяжении всего независимого развития стран Центральной Азии наблюдалось обособленность проводимой внутренней и внешней политики. В условиях глобализации правительствами республик был принят свой специфический курс построения государственности, обусловленный с одной стороны внутренними потребностями, с другой – геополитическими реалиями. В этих условиях для каждой центральноазиатского государства актуализировался принцип сохранения политического суверенитета и безопасности внутреннего рынка.

В целом, страны Центральной Азии разошлись по двум векторам политико-экономического развития: одни республики избрали радикальный слом прежней (социалистической) системы, другие - консервацию или поэтапный переход от государственного управления экономикой к рыночным отношениям. Между группами Центральноазиатских государств образовалось разделение по форме и скорости проведения политических и социально-экономических реформ.

Образовавшиеся барьеры за весь пройденный период независимого государственного строительства, обусловили объективную нестыковку национальных

политических систем и экономических моделей. **В настоящее время наиболее сложным препятствием в расширении регионального сотрудничества стало преодоление разрыва в социально-экономическом развитии стран Центральной Азии.**

2. Обособленность в принятии политических решений обусловила стремление каждой республики искать собственный путь независимого становления, порой в ущерб региональным связям. Страны Центральной Азии по многим политическим и экономическим параметрам могут лишь формально констатировать свою региональную принадлежность. Формализованный подход отразился в ЦАС, ЦАЭС и ОЦАС и более широких региональных объединениях, таких как СНГ, ЕврАзЭС, ОЭС. Одновременно с этим **стали нарастать противоречия по единой системе обеспечения региональной безопасности, рациональному распределению водных ресурсов и использованию энергетических и транспортно-коммуникационных возможностей.**

3. Интеграционные проекты имели в основном политическую направленность. В этом плане **не было создано условий для реализации совместных программ по освоению технологически емких производств, из-за чего инициативы лишались основных участников – крупных и средних производителей.**

В региональной интеграции большую заинтересованность проявляют предпринимательские круги центральноазиатских республик. Однако они, в силу своей неразвитости и зависимости от политических элит, не смогли стать самостоятельным субъектом региональных отношений и реально повлиять на снижение действий межгосударственных барьеров и продвижение процессов углубления производственной специализации и региональной промышленной интеграции.

4. **На торможение региональной интеграции сильным образом сказываются политические события в той или иной стране, которые своими последствиями могут повлечь не только локальную дестабилизацию, но и распространить свое негативное влияние на соседние страны.** В начале 90-х годов подобная ситуация складывалась в связи с военным межтаджикским конфликтом. В преддверие нового столетия актуализировалась проблема радикальной оппозиции в Узбекистане. В настоящее время нестабильная ситуация в Кыргызстане вынуждает руководства соседних стран ужесточать пограничный режим, соответственно снижать уровень экономического и социального взаимодействия.

Проблемы двустороннего сотрудничества

Большое влияние на региональные отношения оказывает, складывающееся на данный момент, состояние двустороннего сотрудничества между центральноазиатскими республиками. В этом контексте необходимо отметить, что взаимоотношения в ряде случаев остаются довольно сложными, в отдельных моментах наблюдается ухудшение ситуации.

К примеру, локомотивами центральноазиатской интеграции принято считать **Казахстан и Узбекистан**, два крупных региональных субъекта, обладающие социально-экономическими ресурсами и возможностями для регионального объединения. Стабильные казахстанско-узбекские отношения могут повлиять на решение многих региональных проблем, в частности, на процессы интеграции в центральноазиатском регионе, на решение трансграничных проблем, а также на устранение вызовов и угроз региональной безопасности. Однако двусторонние отношения на протяжении многих лет складываются нестабильно. Основными причинами этого является следующее:

- *различный подход в экономическом реформировании*, вследствие чего узбекские власти, в целях защиты внутреннего рынка, ограничили торгово-экономические отношения с северным соседом. В июне 2002 году вследствие проблем конвертации национальной денежной единицы - сома и вывоза иностранной валюты из страны, Узбекистан резко снизил свои внешнеэкономические связи с Казахстаном, введя высокие таможенные пошлины на импорт товаров: 50 % - стоимости для продуктов питания и 90 % - для товаров промышленного назначения. В конце декабря того же года Узбекистан ввел жесткие ограничения на пограничный переход, официально обосновав этот шаг профилактическими мероприятиями против распространения эпидемий. Эти меры по настоящее время систематически применяются узбекскими властями.

- *нестабильный внешнеполитический курс Узбекистана*, который колеблется с западного направления на евразийский вектор многостороннего сотрудничества и обратно. Так узбекское руководство в зависимости от складывающейся внутривнутриполитической ситуации и внешних факторов принимало радикальные решения по вступлению, приостановлению своего участия и выходу в ряде международных организаций, в том числе ОДКБ, ГУАМ, ЕврАзЭС, ШОС;

- *неприятие казахстанских инициатив в области интеграции.* Во время встречи президентов двух стран на высшем уровне в Астане в апреле 2008 года президент РУ И.Каримов публично раскритиковал инициативу главы Казахстана Н. Назарбаева о создании Союза центральноазиатских государств (СЦАГ), мотивировав это тем, что экономика государств региона разнопланова, и региональная интеграция может нанести еще больший ущерб экономикам центральноазиатских стран. В последнее время узбекская сторона игнорирует практически все заседания международных структур, где активна деятельность Казахстана, к примеру, СВМДА, ОБСЕ, Тюркский саммит и т.д.;

Разный подход к центральноазиатской интеграции между двумя влиятельными государствами в регионе является наиболее непреодолимой причиной институционализации региональных связей.

В отношениях **Узбекистана с Кыргызстаном** замечаются как положительные, так и негативные тенденции. Следует отметить, что Кыргызстан зависит от поставок узбекского газа, это побуждает кыргызских политиков искать компромиссные решения в двухсторонних отношениях. Во время «цветной революции» в марте 2005 года и Андижанских событий с узбекской стороны была закрыта государственная граница, максимально ужесточены пограничные переходы, появились проблемы транспортного сообщения в анклавах Сох и Шахимардан.

Определенное потепление отношений наблюдалось в 2007 году, когда на высоком политическом уровне была достигнута договоренность о взаимных безвизовых поездках граждан Узбекистана и Кыргызстана. В то же время с начала 2009 года, когда Россия дала согласие инвестировать строительство крупного энергетического объекта Камбарата-1, отношения между Ташкентом и Бишкеком резко ухудшились. Узбекистан обвинил в попустительстве кыргызских правоохранительных и пограничных служб радикальным элементам и вновь в одностороннем порядке стал укреплять пограничную линию рвами и заграждениями. Во время июньских Ошских событий 2010 года Узбекистан на короткое время принял большое количество беженцев с южного региона Кыргызстана.

Необходимо полагать, что дальнейшая тенденция двусторонних отношений между двумя странами будет проходить в сложном процессе отдаления позиций по важным региональным вопросам:

- нерешенность пограничных вопросов

- активизация радикальных политических элементов
- фактор межэтнических конфликтов
- различные подходы в использовании водных ресурсов

Наиболее сложными являются складывающиеся отношения между **Узбекистаном и Таджикистаном**. Как известно эта проблема тянется со времени межджиджикского гражданского противостояния, когда официальный Ташкент стремился повлиять на ход событий этого конфликта. Двусторонние отношения обострились вследствие вооруженного мятежа в ноябре 1998 года полковника М.Худойбердыева на территории Согдийской области, который затем скрылся с вооруженной группой на территории соседнего Узбекистана. Дальнейшее ухудшение в двусторонних узбекско-таджикских отношениях произошло после Баткентских событий 1999-2000 годов. Узбекистан закрыл свои южные границы, объясняя это опасением проникновения радикальных исламских группировок с территории Таджикистана. После этих событий, несмотря на имеющиеся экономические связи, между двумя республиками образовалось политическое противостояние. В настоящее время основными проблемами этих взаимоотношений стали:

- *существующие разногласия в приграничных районах*. Узбекистан в одностороннем порядке в приграничье установил минные поля, а также с обеих сторон систематически происходят вооруженные инциденты между пограничными войсками;

- *несогласованность позиций в сфере безопасности*. Существуют разногласия по таким принципиальным вопросам - как свободный транзит ИДУ из Афганистана через территорию Таджикистана в ферганскую часть Узбекистана, а также укрытие на узбекской территории военизированной группы таджикской радикальной оппозиции под командованием М.Худойбердыева;

- *острыми остаются проблемы экономико-экологического характера*, связанные с водно-энергетическим комплексом и работой Таджикской алюминиевой компании «Талко». Официальный Ташкент обеспокоен экологической ситуацией, на которую влияют промышленные выбросы крупнейшего в Центральной Азии алюминиевого завода и ряда других таджикских предприятий и всячески стремится снизить рост их производственных мощностей (ограничение поставок газа, запрет на транзит туркменской электроэнергии и т.д.);

- *принципиальные разногласия имеются в позициях сторон по отношению строительства Рогунской ГЭС*. Узбекистан выражает опасения по поводу

возможного политического давления на него со стороны Таджикистана посредством регулирования стока воды одного из крупного притока Амударьи;

- *остро стоит проблема в транспортно-транзитной сфере взаимоотношений.* Практически за все последнее время Узбекистан негласно блокировал через свою территорию транзит грузов, предназначенных для Таджикистана. В данный момент эта проблема обострилась тем, что в Узбекистане скопилось более двух тысяч вагонов, следующих в Хатлонскую область и Душанбе;

- *существует ряд проблем в энергетике,* в частности сокращение экспорта природного газа и блокирование транзита экспорта в Таджикистан туркменской электроэнергии. С выходом Узбекистана из Объединенной электрические сети Центральной Азии осенью 2009 года, Таджикистан потерял возможность экспортировать свою электроэнергию в северном направлении. В летний период 2010 года наблюдался холостой сброс воды с Нурекской и Кайракумской ГЭС;

Таким образом, узбекско-таджикские отношения являются одними из проблемных вопросов и оказывают свое существенное влияние на развитие регионального сотрудничества.

Между Узбекистаном и Туркменистаном в настоящее время нет больших противоречий. Тем не менее, с 1996 по 2004 года отношения омрачались различными проблемами в приграничных районах и по поводу распределения водных ресурсов р. Амударья. Крайнего обострения отношений между Ташкентом и Ашхабадом достигли в 2002 году, когда власти Туркменистана обвинили Узбекистан в укрывательстве лидера туркменской оппозиции Б. Шихмурадова и произвели обыск в здании узбекского посольства.

После встречи глав республик 19 ноября 2004 года в г. Бухаре отношения между странами заметно потеплели, хотя их интенсивность на данный момент остается крайне низкой. В настоящее время сотрудничество между республиками заметно оживилось в связи со строительством газопровода «Туркменистан-Китай». Также Узбекистан проявляет заинтересованность в туркменских транспортных возможностях, и важным сегментом межгосударственных отношений становятся транзитные перевозки узбекских грузов через туркменские транспортные сети и каспийский порт на мировые рынки.

Все выделенные факторы свидетельствуют о сложившейся слабой политической и социально-экономической базе для продвижения центральноазиатской интеграции. Однако в перспективе ситуация может заметно измениться, если направлению регионального сотрудничества в каждой стране будет уделяться должное внимание.

Республики Центральной Азии взаимозависимы друг от друга. **Попытки обеспечить фактический суверенитет, создавая замкнутую национальную транспортную и энергетическую систему, стремление обеспечить себя всеми видами сельскохозяйственных продуктов, экономически затратные задачи по сравнению с соглашениями о совместном пользовании единой хозяйственной инфраструктурой и организацией взаимно дополняемого товарного обмена.** Мировой опыт интеграционных структур наглядно доказал данное превосходство.

Перспективы центральноазиатской интеграции

Несмотря на вышеизложенные проблемы, создание Союза Центральноазиатских государств имеет перспективы. **К этому побуждает складывающаяся геополитическая обстановка, в которой страны региона все реальнее ощущают на себе прагматичность политики ведущих мировых держав.** Для самостоятельного и адекватного позиционирования в глобальном мире центральноазиатским странам не хватает собственных финансовых, промышленных и технологических ресурсов. Исходя из этого, регион продолжает играть роль сырьевого придатка для экономически развитых стран. К тому же, находясь на перекрестке соперничающих между собой мировых и региональных держав за доступ к природным ресурсам, Центральная Азия подвержена различным рискам политической дестабилизации. Осознание этих фактов является важным шагом к объединению усилий в рамках регионального объединения.

Координация вопросов по энергетическим и водным ресурсам, транспортным коммуникациям и экологическим зонам, продовольственной безопасности, а также многим другим параметрам является сугубо региональной компетенцией. В геополитическом отношении решению этих проблем способствует то, что окружение Центральной Азии активно не выступают против центральноазиатского объединения. Созданный в перспективе СЦАГ имеет большие шансы использовать связи, набираемые в таких организациях как ОБСЕ, ЕврАзЭС, ШОС и ОЭС.

Республике Казахстан может быть отведена особая роль в качестве интегратора усилий в решении проблем региональной безопасности, так как республика не имеет ни с одной соседней страной принципиальных политических, экономических и культурных разногласий, в том числе в сфере погранично-территориальных отношений, гидроэнергетической и транспортно-транзитной отраслях. В этом отношении значение казахстанских интеграционных идей в Центральной Азии, остается востребованной, несмотря на то, что в 2010 году регион вошел в сложный период международных катаклизмов. Этот этап для региона характерен следующими основными моментами:

- последствия мирового экономического кризиса для экономик стран Центральной Азии;
- дестабилизация политической обстановки в Кыргызстане, межэтнический конфликт в его южном регионе и высокие риски распространения негативного влияния на страны региона;
- ухудшение ситуации на севере Афганистана, попытки расшатывания политической обстановки в Таджикистане, возможное проникновение бандформирований в Ферганскую долину.

Эти факторы, создающие источники новых опасностей для региона, остаются в центре внимания региональных структур безопасности, более того есть необходимость привлечения ресурсов и наработок международных организаций, в которых казахстанское руководство имеет определенную степень влияния. В настоящее время Казахстан председательствует в ОБСЕ и ШОС, в 2011 году ему предстоит играть роль модератора в ОИК. Казахстанская миссия является выигрышной для стран Центральной Азии как в качестве регионального представительства в авторитетных международных структурах. В этом отношении необходимо детально обсудить проблемы сотрудничества и определить коридоры возможностей для создания условий корпоративного взаимодействия.

Также важным событием 2010 года стало образование принципиально новой экономической структуры на пространстве Содружества в форме Таможенного союза Казахстана, России и Белоруссии (ТС). Для центральноазиатского сотрудничества данный факт становится временным барьером, так как по договорам трех стран таможенная и тарифная политика будет согласовываться в рамках союза трех государств. Тем не менее, союзные экономические отношения должны со временем показать

соседним республикам все выгоды интегрированного экономического взаимодействия. Положительный опыт ТС должен быть направлен на расширение числа участников, целью которого является совокупный рост национальных экономик. В перспективе создание частных финансовых, промышленных и коммерческих структур, образующих транснациональные образования в регионе должны стать эффективным катализатором интеграционных связей.

Казахстан и страны Центральной Азии

Основной позицией казахстанской стороны относительно сотрудничества стран Центральной Азии является содействие интеграционным устремлениям в регионе и создания институциональных основ в рамках СЦАГ. Несмотря что данная идея в последнее время активно не обсуждается и оттеснена на второй план событиями в Кыргызстане, отказ от нее преждевременен и нецелесообразен. Инициатива Президента РК Н.А. Назарбаева о создании нового центральноазиатского объединения достаточно серьезно аргументирована.

Тем не менее, в настоящее время в странах Центральной Азии сложились специфические условия для существования и возможных трансформаций политических режимов. В этой связи во внешней политике Казахстана к соседним государствам по региону применяется дифференцированный подход:

- Активное налаживание сотрудничества с кыргызскими государственными структурами: Казахстан стремится развивать межпарламентские связи, способствовать координации между силовыми структурами в сфере обеспечения региональной безопасности, проявлять интерес к развитию крупных инвестиционных проектов с участием казахстанского капитала. В то же время казахстанское правительство максимально дистанцируется от внутривнутриполитической борьбы кыргызских политических элит;

- Казахстан придерживается конструктивных добрососедских отношений с Узбекистаном. Поощряется экономическое сотрудничество в энергетической и агропромышленной сфере, а также созданию совместных предприятий и банковских инвестиций. В вопросах о гидроэнергетическом использовании рек Аральского водного бассейна Казахстан и Узбекистан придерживаются позиции коллективной

ответственности. Казахстанский транспортно-коммуникационный транзит для узбекских грузов является важной составляющей двустороннего сотрудничества;

- Казахстан активно развивает межправительственные отношения с Туркменистаном, и в этой политике стремится диверсифицировать экономические отношения, в частности в сфере энергетики, транспортных коммуникаций, логистики, туризма;

- В двухсторонних отношениях с Таджикистаном Казахстан развивает экономические связи в горнодобывающей и перерабатывающей отрасли. Казахстанский бизнес проявляет свою заинтересованность к расширению экономических отношений в сельском хозяйстве, гидроэнергетической и транспортно-коммуникационной сфере. В настоящее время казахстанское правительство содействует развитию таджико-узбекского политического диалога по ключевым региональным проблемам (обеспечение безопасности, распределение водных ресурсов, развитие транзитных возможностей).

Заключение

Создание Союза Центральноазиатских государств как интеграционной региональной структуры - задача многопланового характера. Инициатива Казахстана, обращенная к странам Центральной Азии, стала всего лишь первым шагом в новых геополитических и региональных условиях. Несмотря на всю востребованность данной идеи, в ряде республик наблюдалась сдержанная реакция. Сложившаяся современная ситуация в регионе указывает на то, что для реализации союза требуется не только определенное время, но в большей мере, новые стратегические и тактические подходы в реализации интеграционной политики и скоординированные меры участников процесса.

Республики Центральной Азии связаны между собой. Среди них нет принципиальных противников развитию союзных отношений в регионе. Однако существуют разнородные объективные и субъективные причины. В Кыргызстане не завершен процесс национальной консолидации политической элиты. В силу внутренних противоречий Узбекистан стремится отсрочить интеграционный процесс. Из-за развития в закрытом режиме политической и социально-экономической системы, Туркменистан, при всем желании, не может ускоренными темпами влиться в

союзнические отношения. Вследствие изолированного положения, Таджикистан, в решении своих проблем, ищет альтернативу региональным отношениям.

Таким образом, перспективы реализации Казахстаном проекта Союза Центральноазиатских государств, во многом будут зависеть от множества факторов. В то же время, необходимым условием, на наш взгляд, станет выверенная политика в создании правовых условий и социально-экономической базы для дальнейшего продвижения интеграционных инициатив.

Сокращения в тексте

ЦАС - Центрально-Азиатское сотрудничество (The Organization of Central Asian Cooperation (OCAC) — международная региональная организация. Создана в 2002 году. Заявленные цели — взаимодействие в политической, экономической, научно-технической, природоохранной, культурно-гуманитарной сферах, оказание взаимной поддержки в вопросах предотвращения угрозы независимости и суверенитету, территориальной целостности государств-членов ЦАС, проведение согласованной политики в области пограничного и таможенного контроля, осуществление согласованных усилий в поэтапном формировании единого экономического пространства. Первоначальные члены ЦАС — Казахстан, Киргизия, Узбекистан и Таджикистан. (в настоящее время не существует)

ЦАЭС - Центральноазиатское экономическое сообщество (в настоящее время не существует)

ОЦАС - Организация Центрально-Азиатское сотрудничество (в настоящее время не существует)

СЦАГ - Союза центральноазиатских государств. Инициатива президента Казахстана Н.Назарбаева по интеграции региона.

ЕврАзЭС - Евразийское экономическое сообщество. Международная экономическая организация, наделенная функциями, связанными с формированием общих внешних таможенных границ входящих в нее государств (Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан), выработкой единой внешнеэкономической политики, тарифов, цен и другими составляющими функционирования общего рынка.

ТС – Таможенный союз Белоруссии, Казахстана и России. Создан на базе соглашений ЕврАзЭС

СНГ - Содружество Независимых Государств. Региональная международная организация, призванная регулировать отношения сотрудничества между странами, ранее входившими в состав СССР. СНГ не является надгосударственным образованием и функционирует на добровольной основе.

ОЭС - Организация экономического сотрудничества. Региональная межгосударственная экономическая организация, образованная в 1985 году странами Средней Азии и Ближнего Востока и являющаяся правопреемницей Организации регионального сотрудничества для развития. Основные участники: Иран, Пакистан, Турция, Казахстан, Азербайджан, Афганистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан

ГЭС – гидроэлектростанция, вырабатывает электроэнергию за счет падающей воды с плотины на генерирующие ток турбины.

ИДУ – Исламское движение Узбекистана. Исламистская организация, созданная в 1996 году бывшими членами ряда запрещенных в Узбекистане политических партий и движений.

СВМДА - Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (CICA) — международный форум, объединяющий государства азиатского континента, который ставит перед собой задачу укрепления взаимоотношений и сотрудничества азиатских государств в целях обеспечения стабильности и безопасности в регионе.

ОБСЕ - Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (OSCE, Organization for Security and Cooperation in Europe). Крупнейшая в мире региональная организация, занимающаяся вопросами безопасности. Она объединяет 56 стран, расположенных в Северной Америке, Европе и Центральной Азии.

ОДКБ - Организация Договора о коллективной безопасности. Военно-политический союз, созданный государствами СНГ на основе Договора о Коллективной Безопасности (ДКБ), подписанного 15 мая 1992 года. Членами ОДКБ являются: Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Российская Федерация, Таджикистан, Узбекистан.

ГУАМ - Организация за демократию и экономическое развитие. Региональная организация, созданная в 1997 году республиками — Грузией, Украиной, Азербайджаном и Молдавией (с 1999 по 2005 в организацию также входил Узбекистан).

Название организации сложилось из первых букв названий входящих в него стран. До выхода Узбекистана из организации именовалась ГУУАМ.

ШОС - Шанхайская организация сотрудничества. Региональная международная организация, основанная в 2001 году лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана.

МФСА - Международный Фонд спасения Арала. Фонд был создан в 1993 г. совместным решением Президентов Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана с целью осуществления совместных действий, программ и проектов по спасению Арала, экологического оздоровления Приаралья.

Session II:

Socio-cultural Changes and National Identity in Central Asia

Chair:

Eom, Gu Ho (Director, APRC, Hanyang University)

Papers:

- **Traditional Social Institutions and Ethnic Identities in Central Asia under the Globalization**

Larina, Elena (Professor, Faculty of History, Moscow State University)

- **The Search for Identity in the Central Asia: Between Post-Soviet Culture and Eurasian Civilization**

Chaikovskii, Sergei (Professor, Chongju University)”

Discussants:

Jung, Se Jin(Hanyang University)

Tikhonov, Vladimir G. (Hankuk University of Foreign Studies)

The 3rd Korea-Central Asia International Conference

**Central Asia's Identity in Politics and Culture
: the Present and the Future**

Session II

Socio-cultural Changes and National Identity in Central Asia

**Traditional Social Institutions and Ethnic Identities
in Central Asia under the Globalization**

Asia-Pacific Research Center, Hanyang University, Seoul, Korea,

November 26, 2010

Larina, Elena

Professor, Faculty of History, Moscow State University

Е.И.Ларина

Традиционные социальные институты и национальное самосознание в Центральной Азии в условиях глобализации

Социальные связи и этнос. С завершением XX века мир достиг нового качественного состояния, которое получило название постиндустриальной цивилизации, или стадии глобализации. Это новое состояние несёт с собой различные тенденции, одна из которых – унификация образа жизни, стереотипов и моделей поведения, способов деятельности, или всего того, что собирательно называют культурой. Другая тенденция связана с подъёмом национального самосознания, усилением межэтнических противоречий.¹

Унификация образа жизни в обществе на стадии глобализации требует от этносов выработки новых адаптивных механизмов, поддерживающих самосознание и самоидентификацию народов. В традиционном обществе жизнеобеспечение и его этнические особенности являлись результатом длительной адаптации к специфическим условиям природно-экологической среды, в которой происходило их становление. Новое и новейшее время отличаются принципиальной сменой адаптивных механизмов общества по отношению к среде. Индустриализация меняет саму среду обитания, профессионализируется духовное производство. Происходит трансформация этноспецифических черт в новых условиях. Надёжным критерием этноса становится самосознание и самоидентификация народов. Наиболее стабильными оказываются социальные связи и их осознание этносом, которые меняются вместе со средой обитания. И если по мере модернизации исчезают этнически специфические элементы культуры, то на первый план выходят формы общения, социальные связи этноса.

В Центральной Азии радикальная трансформация общественных связей происходила в советский период. Сложилась уникальная система двойственности, отличная от периода XIX в. с его «косвенным управлением»². Советское государство заменило традиционные институты власти на новые в соответствии с советским законодательством, начало модернизацию края, создавало здесь развитую промышленную базу и т.д. Вместе с тем, вся обычная жизнь происходила «по

традиции», хотя какие-то нормы и институты сохранялись скорее в виде исторической памяти, частично воспроизводились старшим поколением³.

Для народов бывшего СССР периодом активизации, кристаллизации традиционных социальных связей стало время 1990-х гг. С началом перестройки и деидеологизации общественной жизни, а также в связи с реалиями становления рыночной экономики происходил резкий подъём национального самосознания, коренные изменения в жизнеобеспечении, рост девиантного поведения, и как следствие, в той или иной этнической группе складывались различные механизмы реакции на перечисленные процессы. Одной из форм адаптации к изменившимся условиям стало воссоздание традиционных социальных институтов. В Центральной Азии этот процесс начался стихийно, снизу, стал своего рода переосмыслением собственных традиционных норм. Государство с течением времени придавало традиции легитимный характер – создавая исполнительные органы на общественных началах.

Традиционные социальные отношения во многом были воссозданы заново, они продолжают формироваться, некоторые стали новой традицией. Какие-то из институтов стали частью национальной идеологии, например советы старейшин в Казахстане или махалля в Узбекистане. Но все они являются фокусом преломления современного национального самосознания. Нельзя сказать, что для народов Центральной Азии обозначенные ниже социальные институты являются универсальными. В среде бывших кочевников и у населения оазисов они актуализированы в разной степени. Однако общим является то, что генеральной функцией этих институтов является поддержание локального сообщества. Такое локальное сообщество в центральноазиатском регионе зачастую пронизано тесными родственными связями, поэтому происходит воспроизводство и поддержание родовых отношений, сплочение общности, что улучшает её позиции в окружающей социальной среде.

Советы старейшин. В 1990-е гг. вопросы формирования этических норм вообще, казалось бы, ушли из поля зрения общества, представления о социально допустимых нормах поведения размывались. Однако именно это размывание побуждало общество к самоорганизации. В казахской среде формой такой самоорганизации стали советы старейшин (*аксакалов*)⁴. Крайне важно отметить существующее различие между советом старейшин у казахов России и Казахстана. В

России такие советы создавались лет пятнадцать-двадцать назад исключительно по инициативе односельчан (в Астраханской, Оренбургской областях, Кош-Агачском районе Горного Алтая). В некоторых аулах Казахстана в 1990-е гг. также общественная роль аксакалов резко возросла. Однако создание советов с недавнего времени побуждается со стороны государства - в 2010 г. в проекте доктрины национального единства, разработанной администрацией президента Н.Назарбаева, была прописана необходимая норма о деятельности совета старейшин. Состав совета утверждается местной администрацией (акимом), старейшины обязаны принимать участие в различных организационных и отчётных собраниях в селе и районе и зачастую их деятельность оценивается ими как формальная, имеет номинальный характер.

Совет старейшин как собрание наиболее старых и уважаемых людей, создаваемый для решения общественно значимых задач, – типичный институт для патриархального общества. Естественно, что по мере усложнения социальной структуры значение возраста ослабевало, старейшинами становились не обязательно старые, а просто знающие, обладающие авторитетом и влиянием и потому уважаемые, люди. В традиционном казахском обществе отголоски этой патриархальной формы самоуправления можно увидеть в советах биев (*билер кенесы*) и судах биев (*билер соты*), то есть в народных судах, в которые избирались наиболее уважаемые и влиятельные старейшины аулов и родов⁵.

В первые годы после Октябрьской революции суды биев функционировали, но циркуляром Народного Комиссариата юстиции КАССР № 2 «Об упразднении третейских судов» в 1925 году они были официально запрещены. В циркуляре от 30 октября 1925 года речь идёт уже о привлечении к уголовной ответственности «за разрешение ими всякого рода уголовных и гражданских дел», а бии именуются аксакалами⁶. Однако преследуемый институт некоторое время продолжал существовать, хотя и в очень редуцированной форме. Конечно же, он перестал быть судебным институтом в смысле определения вины и меры наказания. Окончательно вышел из употребления и сам термин «бий».

С упразднением в советскую эпоху народных судов и повсеместным распространением суда государственного контроль за этическими и социальными нормами переходил в ведение партийных органов и к общественным организациям – профсоюзам, женсоветам и пр. Однако уничтожение суда биев не означало исчезновения уважительного отношения к старшим. В советское время традиция

считаться с их мнением, испрашивать у них совета сохранялась в полной мере в рамках семьи и, вероятно, в некоторых вопросах в рамках аула (особенно когда дело касалось исполнения общезначимых обрядов, в частности, похорон). Но с развитием урбанизации и под влиянием средств массовой информации эта традиция в значительной мере ослабла.

Современные советы старейшин унаследовали некоторые функции традиционных социальных институтов. Речь идёт не о возникновении каких-то совершенно новых по своей организационной форме институтов самоуправления казахов; наоборот, воссоздается традиционная для этого народа форма самоорганизации – собрание уважаемых, авторитетных людей. Вместе с тем очевидно, что нельзя проводить прямые параллели между судами биев и нынешними советами старейшин. Советы не выполняют судебных функций: они лишь передают представления о традиционных социальных нормах поведения и отчасти поддерживают общественный порядок в казахской среде.

Совет старейшин занимается самыми разными вопросами. Главный из них – урегулирование отношений между жителями селения в случаях различных семейных споров, краж скота, драк и даже в случаях убийства (как правило, потерпевшая сторона остаётся удовлетворённой, если виновники берут на себя все расходы, связанные с похоронами и дальнейшим проведением поминок в течение года); общественное порицание и моральное давление, авторитетное слово – главные инструменты в такой деятельности. Также советы занимаются хозяйственными вопросами – поддержанием порядка и чистоты на улицах, кладбище; организацией коллективных молений дождю (*масаттык*), *Наурыза* и других коллективных мероприятий.

В зависимости от региона и степени религиозности его жителей советы старейшин могут в разной степени взаимодействовать с имамами, советом при мечети и т.д. Тогда их деятельность дополняется вопросами, связанными с делами веры, например, сбором пожертвований и распределением собранных пожертвований *садака* и *фитр-аль-садака* (*бытыр*), строительством мечетей, решением спорных вопросов в проведении того или иного ритуала (как, например, взятие на себя грехов умершего *даур*)⁷.

Нельзя не заметить, что в такие советы стали входить пожилые уважаемые женщины. Можно сказать, что это своего рода наследие женских советов, созданных повсеместно в СССР. Женсовет – организация, объединявшая активных в

общественной жизни женщин. Женсоветы зародились в ходе женского движения с конца XIX в. и могли иметь разные названия. В 1924 г. Оргбюро ЦК КП(б) предписало создавать женские клубы, красные уголки, дома дехканки «с учётом специфики» местности. В конце 1950-1960-х гг. была создана система женсоветов в городах, районах, на предприятиях. До 1991 г. они были обязательными на производстве и в сельской местности, их деятельность контролировал Агитационно-пропагандистский отдел ЦК КПСС, а также профсоюзы. С распадом СССР женсоветы прекратили своё существование. Однако с конца 1990-х гг. в условиях социально-экономического кризиса женсоветы стали воссоздаваться по инициативе снизу на общественных началах для решения социальных вопросов. Женсоветы обычно решали вопросы, связанные с семейной, производственной и культурной жизнью женщин (вопросы равноправия с мужчинами, охранения от домашнего насилия, заботы о детях, охраны труда на производстве и пр.).

Конечно, пожилые уважаемые женщины (*ана, отин*) и раньше пользовались особым статусом. Однако именно в советское время были созданы коллегиальные органы – женские советы. Сейчас женщины в первую очередь рассматривают дела, связанные с учебой в школе, воспитанием детей, положением в неблагополучных семьях. Это как бы низшая контрольная инстанция совета старейшин. Если усилия женсовета оказываются безрезультатными, то в дело вмешиваются мужчины. Как выразился один из членов совета п. Бас Кийма в Оренбуржье: *«Если мужчина пьёт, он может по пьянке послать их (женщин. – Е.Л.). А нас не пошлёт»*.

Наиболее социально значимой, на наш взгляд, в деятельности советов старейшин является выполнение ими функции общественного порицания тех, кто выходит за рамки тех этических и поведенческих норм, которые совет считает необходимым сохранять, и морального давления на нарушителей. Довольно часто казахи любят вспомнить: *«У казахов в степи тюрьмы не было. В нашей крови есть послушание старшим»*.

Совет старейшин – весьма эффективный орган формирования общественного мнения и воздействия на членов небольшой социальной группы; государство это понимает и использует его в своих целях, чаще всего во время проведения выборов.

Следует отметить, что похожим образом изменилось положение старейшин (*яшули*) с 1990-х гг. в Туркмении. В наши дни в небольших аулах по-прежнему яшули вместе с муллами негласно следят за соблюдением общественных норм и морали

(например, могут настаивать на том, чтобы курящий или пьющий мужчина переехал жить в другое место), выполняют роль третейского судьи, организуют и контролируют полив и распределение воды и пр.

Махалля. Махалля-квартал и в городе, и в сельской местности представляет собой трансформированную форму соседской общины⁸. Её история восходит к большесемейной общине – *авлоду* (тадж.). Разложение махалля началось с проникновением капиталистических отношений. Однако в советский период этот процесс был приостановлен, поскольку махалля была признана в качестве структурной единицы города, руководящим органом махалля был выборный комитет. Такой комитет регулировал всю общественную и даже личную жизнь членов махалля. Он формировал общественное мнение, следил за соблюдением шариатских норм поведения, соблюдением адата и принятой общественной морали. Даже в советское время духовным, идеологическим центром общины являлась мечеть. Община также несла расходы на содержание и ремонт мечетей, помещений для омовений покойников; махалля обеспечивала имама и муэдзина. Принадлежность к общине-махалля определялась проживанием на территории квартала⁹. Современная махалля в полной мере сохраняет свою традиционную сущность и функции. Она стала идеальным воплощением той «узбекскости», которая лежит в основе национальной идеологии. Сочетание хозяйственной практики и традиционного мировоззрения в махалля стали для современного государства идеальной формой местного самоуправления¹⁰. В 1992 г. был издан Указ президента И. Каримова «О создании республиканского благотворительного фонда «Махалля», принятый затем в 1993 г. и отредактированный в 1999 г. закон Республики Узбекистан «Об органах самоуправления граждан».

В махалля современные историки Узбекистана видят форму «восточной демократии», «важный национально-социальный орган самоуправления и местную форму образа жизни в Узбекистане»¹¹. Немаловажной чертой для современного общества признают свойственный махалля патернализм – «уважительное отношение к власти и попечительское отношение её главы к народу»¹², «государство видит в общине ту ячейку общества, от благополучия которой зависит стабильность в республике»¹³.

С начала 1990-х гг. махалля приобрела некоторые новые черты. Были созданы махаллинские комитеты, избираемые на общих собраниях. Комитет возглавляет избранный председатель, в обычной жизни которого называют аксакалом. При

комитете существует множество комиссий – по благоустройству, проведению обрядовых мероприятий, по работе среди женщин, молодёжи, ветеранов войны и труда, по укреплению общественного порядка, сохранению жилого фонда, финансовая комиссия и др. Этот неполный перечень комиссий даёт ясную картину функций махалля. Они настолько обширны, что в последнее время появляется всё больше сторонников сокращения таких обязанностей. В проведении всевозможных обрядов и мероприятий центральным по-прежнему является понятие *хашара* – коллективной взаимопомощи во время общественных работ.

Используя в полной мере потенциал махалля, государство стремится усилить свой контроль над общиной. В первую очередь это связано с своего рода секуляризацией – стремлением уменьшить влияние ислама на общественную и частную жизнь в махалля. Государство попыталось развести управленческие функции махалля и мечети, выделив отдельно приход мечети – *кауи*. Однако исторически сложившийся симбиоз оказался настолько прочным, что на деле роль и значимость имамов остаётся практически без изменений. Постройка же или ремонт мечети по-прежнему стабильно проходят методом хашара и считаются богоугодным делом (*савоб иш*), в то время как в отношении постройки частного дома хашар практически не используется и связывается с прошлыми традициями¹⁴.

Также была ограничена власть старейшин. В начале 1994 г. ранее финансово независимые махаллинские комитеты были поставлены на государственное обеспечение, председателям комитетов стали выплачивать зарплату, что по сути приравнивало их к государственным чиновникам. Одновременно был создан неправительственный фонд «Махалля», председателем которого стал президент И. Каримов.

С современной махалля связано одно немаловажное наблюдение. Коренным народом Узбекистана, чьё этническое формирование проходило бок о бок с узбеками, являются таджики. Таджики жили главным образом в городах, занимаясь ремёслами и торговлей. Их численность увеличилась в связи с притоком беженцев из Таджикистана в 1990 –е гг. – годы гражданской войны. Современное положение таджиков в Узбекистане далеко неоднозначно. Мы не будем здесь затрагивать вопросы их гражданского положения или скрытой дискриминации, культурной и языковой ассимиляции, «узбекизации». Явным следствием такого давления со стороны государства стала подвижная этническая идентичность – «специфический случай в

этнической картине» Узбекистана», «таджики сопоставляют себя с различными национальностями»¹⁵. Речь идёт о том, что в общественной жизни таджики называют себя узбеками, в то время как в семье, кругу друзей, родных отождествляют себя с таджиками, говорят на таджикском языке. Таджики предпочитают указывать в паспортах национальность «узбек», что связано с получением высшего образования, устройством на работу или карьерным ростом. И вот в таких условиях махалля становится институтом, позволяющим максимально сохранять таджикскую этническую идентичность, объединяться как на неформальном, так и государственном уровнях. В традиционных местах компактного проживания таджиков махалля, как правило, моноэтнична, в таких махалля руководителями становятся истинные лидеры таджиков. Статус руководителей махалля позволяет им отстаивать интересы таджиков в отношении государства с большей эффективностью, нежели деятельность в патронированных государством национально-культурных организациях, чья деятельность жёстко регламентируется и не выходит за празднично-культурные рамки.¹⁶

Сакрализация пространства и паломничество. Постсоветский период в регионе стал также временем сакрализации исторического пространства в новых государственных границах. Это время активного поиска национальных героев и помещения их в исторический контекст. Места захоронений реальных или вымышленных исторических персонажей превращаются в святые места, а сами герои становятся *ауля*. Традиционное религиозное мировоззрение довольно быстро впитало в себя новшества и вписало такие святые места в исламский контекст и представления о святости, поскольку конфессиональная среда, в которой формировалось религиозное сознание современных центральноазиатских народов, складывалась на традиционной основе почитания святых мест.

Исламская религия, как известно, покоится на пяти столпах, одним из которых является каноническая обязанность паломничества в Мекку (*хаджж*). Главной целью любого верующего человека можно назвать достижение благочестия; один из путей к нему – паломничество. Если для классического ислама существует лишь одно единственное возможное паломничество – в Мекку, то в Центральной Азии с давних пор произошла контаминация: представления об обязанности мусульманина переплелись с доисламской традицией почитания святых мест. Считалось, что

посещение Бухары заменяет паломничество в Мекку, сейчас такими святыми местами стал комплекс составителя хадисов аль-Бухари под Самаркандом и шейха и основателя суфийского ордена Накшбанда, например; для казахов аналогом стало паломничество по южному Казахстану, финалом которого является обязательное моление у мавзолея Ходжи Ахмеда ал-Йасави; в Киргизии к хаджу приравнивается паломничество на гору Тахти-Сулейман (г. Ош).

Среди казахов утверждается идея «малого хаджа», связанного со святыми местами Казахстана¹⁷. В первую очередь, это города Туркестан с мавзолеем Ахмада ал-Йасави (и могилой хана Аблая, на время объединившего все жузы), Тараз с могилой Баба-ата, Сузак с могилами Айша-биби и Мухаммада ал-Ханафия, могила Арыстан-баба в Отраре и др. Время совершения паломничества определяется только возможностями и целями самого человека, каких-либо привязок к определённым датам не существует.

Идея «малого хаджа» существует не только у казахов. Мусульмане Киргизии считают святой гору Сулеймана в Оше. Считается, что если три раза подняться на гору, это равноценно хаджу. На горе стоит мавзолей со «следами коленей» то ли пророка Сулеймана, то ли самого Пророка Мухаммада. Посещая пещеры, расположенные при подъёме на гору, можно излечиться от бесплодия и других болезней. Конечно, местные имамы осуждают такую практику, однако признают, что она стала повсеместным явлением: «Сегодня по всей Центральной Азии и на Кавказе можно найти мазары (кладбища), которые невежественные люди считают чуть ли не святее Мекки», – приводит слова заместителя главы мусульман Оша журналист И. Ротарь в статье о «постсоветском исламе»¹⁸.

Если хадж является канонической обязанностью, то паломничество по святым местам, очевидно, является духовной потребностью. Вектор движения всегда устремлён к местам, характеризующимся наибольшей концентрацией сакральной энергии; как правило, такое движение происходит по восходящей – от менее значимых, локальных святых мест к местам регионального значения. Зачастую паломничество происходит по типологически замкнутой схеме. Иногда в этой схеме может присутствовать цифровая значимость. Например, у узбеков стремятся посетить семь святых мест, а у казахов – три.

Считалось, что посещая такие места, человек очищается от грехов или приобретает некоторые духовные заслуги, и это даёт ему в том числе более высокий

социальный статус в обществе. Часто паломничество совершают в надежде разрешить личные проблемы: обрести потомство, заключить удачный брак, получить работу или продвижение по службе, исцелиться от недуга, поступить в учебное заведение и даже отправить детей в летний лагерь и т.д. Для исполнения некоторых пожеланий требуется большее приложение усилий – посещение нескольких святых мест.

Теория и практика ислама стала активно дополняться доисламскими элементами уже с момента распространения ислама, что позволило востоковедам XX в. говорить о народном исламе¹⁹. А вот в постсоветский период такое дополнение стало приобретать ярков выраженный «национальный» оттенок. Для казахов это стало обращение к шаманизму, реконструированному тенгрианству. В современном паломничестве к святым местам Казахстана фигура собственно паломника отходит на второй план, уступая место своего рода организаторам, проводникам, медиумам в осуществлении заветных желаний паломника. Функции этих людей поистине обширны и охватывают весь период паломничества. Эти люди называют себя аккумуля (акку – лебедь; женщины от 30 лет) и сункар (сокол-кречет; мужчины). Их деятельность начинается с собственно организации паломничества: набора группы, заказа автобуса, выработки маршрута, заготовки необходимых предметов и продуктов питания (белых тканей, мяса, чая), организации видеосъемки, то есть с обычных функций руководителя «туристической» группы. Уже стал традиционным маршрут, включающий в себя святые места Южного Казахстана. Как правило, он начинается в Алматы, где различные целители проводят подготовку паломников – очищают, снимают с них порчу, сглаз, определяют круг болезней. И только затем группа отправляется в путь, конечным пунктом которого становится г. Туркестан²⁰. Следует добавить, что к святым, помимо сподвижников ислама (например, Арыстан баба, Ходжа Ахмеда ал-Йасави), относят различных ханов и биев, сыгравших значимую роль в истории казахов (например, Аблайхана, Тюлебия, Казбекбия и др.), батыров (например, Райымбек батыра, Ажинбай батыра), а также выдающихся и почитаемых просветителей, например, Шокейулы Кайназара, Жамбыла. В начале поездки организаторы рассказывают о жизни каждого из них. Таким образом, паломничество дополняется историческим экскурсом, что абсолютно соответствует духу самого паломничества – почитания предков. А вместе с тем у такого паломничества появляется ярко выраженный характер туристической поездки с целью изучения истории, в первую очередь истории, связанной с исламом, своей страны.

Главная функция аккумуля и сункар - выступать «медиаторами» между святыми и паломниками. Необходимость посредника для общения людей с духами – основная идея шаманства, и шаман выполнял эту миссию. Прежде баксы получал возможность общаться с духами, облачившись в лебединое оперение и вооружившись кобызом, поскольку душа баксы воплощалась в лебедя во время его путешествий в другие миры. Теперь «медиаторам» не требуются особые атрибуты, их одежда не отличается от одежды паломников, они не играют на музыкальных инструментах. Правда, они активно используют брошюры с благопожеланиями-бата и посвящённые тем местам, по которым проходит маршрут. На могилах эти люди каждому из паломников передают «слова» святого. Это могут быть упрёки по поводу несправедных дел в прежней жизни, которые сменяют предсказания будущего, наставления, пожелания. Важно признание «медиумов», что это говорят не они сами, а святые через них осуществляют общение с паломниками. Так что исключается личностный момент в том, что говорится.

Медиумы заранее указывают на святого патрона («ангела-хранителя») каждого участника паломничества, зная родовые корни участников поездки, с одной стороны, и генеалогию святых, с другой. В этом проявляется почитание основателей родов и племён. Таким образом во время посещения могилы своего святого человек с особым чувством молится, а также оставляет именно на этой могиле часть белой ткани как жертвоприношение. Здесь же добавим, что во время всей поездки паломник накидывает на шею на манер шарфа полосу белой ткани, которую затем бережно хранит дома. Эта ткань на святых местах получает определённую сакральную силу. Ткань бережно хранят, а в минуты болезни или тяжёлые моменты жизни используют как оберег и исцеляющее средство.

Во время посещения святых мест при посредстве аккумуля и сункар происходит частичное достижение целей, движущих паломниками - исцеление, духовное очищение, избавление от тяжёлых мыслей, злобы, раздражения (именно о нём в первую очередь говорят все те, кто совершал подобные поездки). Со временем паломники надеются излечиться от сахарного диабета, алкоголизма или бесплодия, например.

Апофеозом душевных метаморфоз становится не только новое мироощущение паломников; некоторые приобретают новое качество и новые возможности. У них медиумы обнаруживают аналогичный своему дар и «открывают» энергетические каналы. Это могут быть и мужчины, и женщины, старшего возраста и молодые. Как раз

открытие дара у молодых нередко вызывает осуждение в общественном мнении, так как за «открытием» непременно должна следовать практика, молодые люди с открытыми экстрасенсорными способностями должны лечить других людей, снимать порчу и сглаз. А такое начинание коренным образом меняет обычную жизнь, ещё совсем неустоявшуюся и полную эмоциональных противоречий в молодом возрасте. Крайне желательно, чтобы вновь «открытые» также организовывали паломничество к святым местам. Если же они отказываются от такой практики, то их настигают различные болезни. Такой выбор бывает довольно мучительным. Рассказывают о случаях самоубийств, последовавших за невозможностью совершить выбор в ту или другую сторону.

Неслучаен выбор акку и сункар для самоназвания. Культ лебеда известен всем тюрко-монгольским народам Евразии. Казахская поговорка гласит: «Лебедь – царь птиц». Лебедь считался священной птицей, его белый цвет отождествлял светлое и доброе начало. Лебедь был тотемом отдельных родов у бурят, тувинцев, якутов, хакасов, монголов; в частности предком Чингисхана считался также лебедь, что позволяло его генеалогическим потомкам торе-чингизидам носить лебяжьи шубки²¹.

Образ лебеда тесно связывался с шаманством. Одно из преданий гласит, что родоначальник казахских шаманов-баксы Коркыт рождён лебедем или пери, облачённой в лебяжью шкуру. Одежда прорицателей и шаманов-баксы частично состояла из лебяжьего пуха или частей тушки лебеда (шея и голова, крылья). Казахского дуану²² – прорицателя могли изобразить в образе лебеда. В кобызе – главном инструменте и атрибуте шамана, многие также видят силуэт лебеда в полёте.

До настоящего времени этот культ сохранялся фрагментарно. Главным образом в виде всем известного запрета на охоту и убийство лебеда – «Лебедей нельзя убивать, так как «они проклинаят»»²³. Во время пролёта лебединой стаи женщины кое-где ещё подбрасывают вверх мелкие монетки, считая, что это принесёт благополучие и удачу.

Лебеда рассматривают как вместилище духов предков - *аруаков*. Замечательна история, рассказанная Алмой Ишматовой: «Не так давно на месте старой разрушенной мечети захотели построить новую. Вот уже наполовину взвели стены, но они рухнули. Во второй раз стены рухнули вновь. То же случилось и на третий раз. Тогда один мулда посоветовал под каждый угол развалин закопать по свиной голове. Как только это было сделано, из-под развалин вылетели два лебеда – аруаки, охранявшие старые развалины

и не дававшие построить новую мечеть»²⁴. Эта история вызывает множество вопросов. Для нас же важно, что птицы-лебеди стали вместилищем духов-аруаков.

Особую роль в мировоззрении тюрков играли хищные ловчие птицы. Их схематические изображения становились тамгами родов и племён, с ними связывалась генеалогия, части птиц выступали оберегами, они образуют мир сказок, преданий, мифов, примет. Особую роль хищные ловчие птицы занимали в ритуальной практике. Обращения к ним часто встречаются и в текстах среднеазиатских шаманов, причём птицы выступают в роли духов, к которым обращается шаман за помощью в исцелении больного. Приведём отрывок из заклинания казахского шамана: «Ты мой кречет, поднимающийся со скал, Ты мой скачущий тулпар!»²⁵. В эпосе белый кречет не только является часто любимой ловчей птицей главного героя, но и сам герой постоянно в своих моральных воинских и человеческих достоинствах сравнивается с этой птицей. Поэтому «ак шумкар» - один из излюбленнейших эпитетов в применении к главному герою, характеризующий его в высшем смысле как человека положительного, героического и, так же как и сама птица, - необыкновенного.

Подтверждение необычности белого кречета находится в словаре З.Л. Будагова: «ақ сұнкар... род белого сокола... солнце, день; прозвище некоторых ханов Туркестана»; «белый кречет (по преданию киргизов, кречет может жить только у человека ханского происхождения и притом вполне честного, в противном случае он клюёт себе ноги и издыхает)»²⁶. Сущность белого кречета имеет отношение к солнцу (в одном из эпизодов «Сокровенного сказания» Чингиз-хан предстаёт в виде белого сокола, «зажавшего в когтях солнце и луну»), а также ханскому достоинству, которое посредством именно белого сокола также связывается с идеей солнца. О связи белого сокола с высшими птичьими и людскими сословиями говорит и одно из названий белого кречета у казахов ақ мырза сұнкар (букв.: белый кречет-господин). Таким образом, белый кречет обладает необыкновенными, сверхъестественными религиозно-магическими свойствами, занимает самое высокое место в религиозной и социальной иерархии, обладает исключительными качествами как ловчая птица, имеет также отношение к воинскому делу и сословию.

Столь откровенное использование названия «акку» и «сункар», несомненно, является конкретным указанием на адаптацию в казахском культе святых мест архаичных элементов религиозных воззрений, связанных с шаманством. Очевидно

функциональное значение такого названия как важного сакрального средства, необходимого для установления контактов с духами святых в потустороннем мире.

Объединяет также этих двух птиц их прямая связь с ханской властью, которая могла принадлежать только потомкам чингизидов. Это прямое указание на первенство в социальной иерархии косвенно возвышает носителей имени «акку» и «сункар» на социальной лестнице, является гарантом их особых способностей, становится особенно выразительным в контексте моды последнего десятилетия на генеалогический аристократизм.

Аккулар и сункар стали важным компонентом регионального паломничества казахов, подтверждающим тезис, что «эти неисламские элементы нельзя считать чем-то инородным и несущественным; процесс взаимодействия ислама и других религий не является однолинейным, и современная форма народного ислама как раз подтверждает их многовековое взаимовлияние»²⁷. В контексте мусульманства продолжают бытовать магические представления, связанные с ловчими птицами и идеей души.

Аккулар и сункар входят в организацию «Ата-Жолы», которая была зарегистрирована в 2001 г., а 5 февраля 2009 г. государство запретило деятельность этой организации, названной сектой. Вопрос о том, является ли данная организация сектой вызвал массу споров и протестов в самом обществе – весьма эмоциональны его обсуждения на различных блогах, например, на сайте www.zonakz.net. Кто-то действительно становился жертвой зомбирования, происходили изменения в психике, становилось неадекватным поведением. Кстати сказать, у организации не было единого лидера и атрибутов поклонения ему – вся деятельность организации была направлена именно на посещение святых мест и могил предков. В такие поездки активно отправлялись российские казахи, не имеющие ни малейшего представления об этой организации или отношении к ней как «секте». Да и в самом Казахстане знание об этой организации или характеристика её деятельности как сектантской распространено слабо. Гораздо важнее то, как воспринимают эту деятельность сами казахи. Для участников поездок это в первую очередь память о предках, почитание их, тема заступничества перед Всевышним, знание своей истории и того, что можно было бы назвать «казахскостью». Аккулар и сункар выступают (до сих пор) авторитетами и своего рода национальными лидерами в ритуальной сфере. Их деятельность для паломников гораздо более важна, чем деятельность на святых местах смотрителей-ширакши или шейхов. Потомки знаменитых святых как особая социальная группа

служителей культа в значительной степени утратили свою монополию на опеку над мазарами²⁸.

Самоназвание предпринимателей от паломничества – «акку» и «сункар» - стало своего рода национальной особенностью казахов, определяющей их самосознание, апеллирующей к тюркской духовности и тенгрианству. Это также новое понимание природы религиозного авторитета и личности его носителя. Традиционный смотритель и служитель на мазаре шейх был освящён своим происхождением, и уже в силу этого выполнял функции посредника между народными массами и святыми, Богом, властями, выступал духовным наставником, чьи указания не подлежат обсуждению, знатоком и толкователем ислама. Теперь таким наставником может стать любой, прошедший очищение и «открывший дар» во время паломничества к святым местам, в первую очередь к мазарам Исхак-баба, Арслан-баба и Ахмада ал-Йасави²⁹, и не обладающий специальным богословским знанием.

Совершенно очевидно, что в практике аккумуля и сункар объединены элементы самых разных традиций. Это неисламские элементы, связанные с язычеством (в первую очередь культ птиц, вера в духов предков, ритуальное жертвоприношение мясом, изготовление оберегов), магические функции шаманов – роль медиаторов в общении с духами предков и святых, методы лечения, и даже изменение состояния сознания, черты ислама – в первую очередь знание Корана и чтение его аятов, знание агиографии мусульманских святых, заимствование отношений учитель – ученик без сохранения названий мурид – муршид из суфийской практики. Это избирательная и по-своему изобретательная реконструкция духовного интеллектуального и практического наследия и истории. На передний план выдвигается толерантность, открытость другим религиям и местным обычаям, особенно ориентация на внутренний мир человека. Этот психологический фактор приобретает особое значение в обществах, которые претерпевают радикальные и часто болезненные изменения в плане экономическом, социальном и идеологическом³⁰.

Эта практика вышла за территориальные границы того или иного мазара, объединив огромные территории. Аккумуля и сункар весьма подвижны, они постоянно находятся в пути. Это уже не признанные шейхи одного, закреплённого за ними места. Целью паломника становится не один мазар с окружающими его святыми могилами, а множество таких мест, которым приписывают разную степень обладания божественной благодатью баракат и соответственно разную степень воздействия на паломника,

отчего и маршрут выстраивается на усиление такого воздействия. «Узкая специализация» шейха одного мазара также не соответствует духовной потребности паломника, которая теперь всё более нуждается в движении – движении по пути и движении души от очищения к просветлению. Расширение территории, выход за узкие границы, очерченные территорией мазара, деятельности духовных наставников связан с изменившимися историческими обстоятельствами: «Мусульмане всего мира живут и действуют ныне в беспрецедентных условиях дробления религиозного авторитета и его констатации различными потенциальными претендентами... Хотя они этого или нет, не только религиозные учёные, но и рядовые мусульмане сейчас вынуждены реагировать на дискуссии об исламе и его ценностях... Таким образом, каждый мусульманин вынужден искать ответы на вопросы об исламе, которые циркулируют ныне в глобальном информационном пространстве»³¹. Возник новый религиозный дискурс и система ценностей, в которых ислам выступает доминирующей, хоть и не единственной идиомой.

В Киргизии институт паломничества также претерпевает сильные изменения. С ним тесно связано понятие манасчылык – дар к эпическому сказительству. Издавна культ мусульманских святых в Туркестане популяризировали люди, которые не были официальными хранителями святых мест – матдахи и ризалачи. Бродячие сказители – матдахи и песенные сказители – ризалачи постоянно пребывали у святых мест, повествуя о делах святого и восхваляя его, а также рассказывая мифы и легенды из общемусульманской традиции³². Многие мазары Киргизии возникли в память о деяниях легендарного предка Манаса. Образ Манаса – легендарного предка и главного героя киргизского народного эпоса³³ играет значительную роль в идеосфере мусульманского паломничества. Многие мазары Кыргызстана, особенно Таласской и Иссык-Кульской областей, возникли в память о деяниях Манаса и его сподвижников, а в самом тексте эпоса присутствуют прямые географические указания на киргизские сакральные локусы. Религиозное значение Манаса как мифического героя проистекает из позднейших вариантов эпоса, в которых легендарный предок приобретает черты ревностного мусульманина и распространителя новой веры. Даже смерть от предательской руки настигает Манаса именно во время совершения намаза. Этот поздний исламский слой сказания принес народному герою статус мусульманского святого. В результате, сегодня становится все труднее отличить, где заканчивается почитание киргизами Манаса как этнического предка, объединившего под своим

началом весь народ, и начинается его религиозный культ в качестве святого и ревностного приверженца ислама.

Как раз манасчи наиболее близки сказителям матдахи и песенным исполнителям ризалачи, поскольку должны не только на память читать «Манас», но сопровождать его музыкальным аккомпанементом. О глубине проникновения эпического фольклора в киргизский институт мусульманского паломничества говорит также и социальная организация народного сказительства. Уже на протяжении долгого времени мазары служат местом инициации и вдохновения для молодых сказителей - *манасчы*, которые прибывают на места паломничества с целью получения благословления и совершенствования своего мастерства исполнения. Они приносят с собой на мазары Коран, комуз (национальный музыкальный инструмент), и калпак (мужской головной убор), подчеркивая свою связь как с исламской, так и с народной традицией. Будущие манасчы обязаны продемонстрировать свой талант, исполняя на мазаре отрывки из эпоса до 12-ти часов подряд, после чего устраивается ритуальное жертвоприношение, в ходе которого слушатели от имени предков дают неофиту народное разрешение на сказительство. Характерно, что и дальнейшая творческая жизнь исполнителей эпоса протекает на фоне святых мест. Известно, например, что прославленный манасчы Мамбет Чокморов всю жизнь был зрителем Иссык-Кульского мазара Манжылы-Ата и лично участвовал в лечении больных паломников³⁴. Подобное совмещение одним лицом нескольких традиционных практик объясняется спецификой киргизского эпического наследия: вдохновенное свыше сказание трилогии «Манас», «Сейтек» и «Семетей» считается в народе особым видом целительства, в ходе которого облегчение больному приносят духи предков, привлеченные на мазар мастерством сказителя.

Некоторые исследователи паломничества в Киргизии предлагают выделять особую категорию профессиональных паломников (молдалор), для которых поход на мазары является частью работы или призвания³⁵. На почитании мазаров в значительной степени завязана традиционная система духовных знаний кыргызчылык, выстроена идейная цепочка этнической идентификации, а также основаны представления о земле предков и национальной принадлежности.

Особенностью Туркмении является то, что в ней не сформировалось общенациональных религиозных центров. Это связано в первую очередь с политикой самого государства, ярчайшим выражением которой стало строительство мечети на

родине первого президента в кишлаке Кыпчак с цитатами на стенах мечети и минаретов из «Рухнамы» (известно, что цитировать возможно только Коран и пророка Мухаммеда, поэтому новая и очень красивая мечеть не считается таковой у наиболее ригористичных последователей ислама). Туркмены совершают паломничество к святым местам либо в своей округе, либо к выбранным специально (одни ауля излечивают скот, другие наркотическую зависимость и т.д.). С перестройкой старые святые места реставрируют или отстраивают заново, появляются новые. Их множество; вот лишь некоторые наиболее значимые – мавзолей Меана недалеко от Кахки (X-XI в.), мазар покровителя бахши Ашыгайдын пира в 80 км от Куны-Ургенча, мазар Сейит Джамал ад-Дина в Анау, мазар покровителя скота Зенги-баба в Мунче (XV в.), пещера Кыз-биби в Нохуре, мазары Сеид Ибрагима недалеко от п. Сунче в окрестностях Мерва, Мелик-баба, Миана-баба, мазары Кефари и Бикири, Султана Санджара в заповеднике Древний Мерв (XII в.), мечеть XI в. Талхатан-баба в 30 км от Мерва, мазар Парау-биби в ауле Ферава (XI-XII в.), мазар Ших Алов в селении Багир (XI в.).³⁶

Для всех центральноазиатских государств также характерна деятельность по усилению контроля над святыми местами. Это выражается в придании им статуса исторических памятников, реставрационных работах, во включении таких мест в туристические маршруты, издании книг и пр. Актуальным становится вопрос об этике поведения на таких местах. Международный опыт управления святыми местами доказывает, что избежать их осквернения досужими посетителями позволяют различные доступные механизмы: инструктирование посетителей насчет необходимого поведения, зонирование, размещение туристических маршрутов вдали от святого места, дресс-код, разработка режима фотосъемки³⁷. Некоторые из них уже были опробованы на территории Кыргызстана. В частности, у входа на мазар Манжылы-Ата в Иссык-Кульской области посетителям предлагается ознакомиться со сводом правил поведения на территории, считающейся священной определенной частью населения.

Паломничество стало самой яркой приметой социально-культурного ландшафта Центральной Азии. В период экономической и социальной нестабильности такое местное паломничество стало и самым доступным способом достижения заветных целей, обретения благополучия. Можно говорить о локальных и региональных центрах притяжения в каждом из центральноазиатских государств, которые выступают территориальными и этническими интеграторами. В локальные формы ислама включаются некие представления и практики, которые воспринимаются как

«казахские», «киргизские», а значит древние и аутентичные. Этноконсолидирующий потенциал института святых мест позволяет государству использовать концептуальную, а также организационную структуру паломничества в целях воспитания чувства патриотизма, что подразумевает, что после долгих лет атеистических гонений культ мазаров не только не был искоренён из сознания местных верующих, но положен в основу национальных идеологем.

В Узбекистане или Туркмении национальная специфика ислама связывается в первую очередь с ролью святых племён в распространении ислама и связанном с ним подвижничестве.

Топография памяти. Многие семейные обряды выходят за рамки собственно семьи, выполняя коммуникативную функцию в обществе. Нигде так интенсивно не происходит общение, передача информации и знаний как на поминках. Существует несколько видов поминок, из которых для нас в контексте данной статьи интересны поминки, справляющиеся у казахов как завершающие весь поминальный цикл³⁸. Обычно они называются *ас беру*, также общим названием любых поминок *садака*, а в некоторых местах Западной Сибири *дога* (от араб. дауа – молитва).

Прежде ас справляли как годовые поминки по умершему родственнику. Также асом называли поминки, организованные спустя более продолжительное время родственниками, которые не смогли присутствовать на похоронах или годовых поминках. С начала 1990-х гг. ас беру стали очень популярны в Казахстане. Такие поминки устраивают потомки умершего спустя и 10, и 15 и даже 20 лет, приглашают всех родственников и весь аул, посещают кладбище, у могилы умершего читают Коран, затем в селении устраивают трапезу с жертвенным бараном, иногда скачки, борьбу с разыгрыванием призов; такие поминки могут проходить в ресторане. Иногда такие поминки определяют как «окончательные». Можно сказать, что среди состоятельных людей возникла мода на проведение пышного аса, что тесно связано с понятием престижа.

Около десяти лет назад в среде казахов Западной Сибири и Оренбуржья с традиционным асом произошла любопытная трансформация. Форма поминания умершего предка была перенесена на почитание места, где когда-то жили предки. В этой инновации ярко проявляется связь с землёй и идентичность.

Для традиционных обществ формирование важнейших жизнеобеспечивающих особенностей культуры являлось результатом адаптации к специфическим условиям природно-экологической среды, в которой происходило их становление. Родовые кладбища, могилы предков были сильнейшим архетипом в представлении о родной земле. Исторические события XX в. оказали влияние на формирование в мировоззрении казахов спектра понятий – «малая родина», «историческая родина»; современное население России и Казахстана разделяется на «коренных» и «пришлых», «диаспору» и т.д. Актуализация этих понятий произошла в связи с распадом СССР, когда прежние административные границы превратились в границы государственные. В степях Евразии такое деление приобретает остроту в связи с традиционным смешанным расселением казахов и русских, во многом обусловленным разделением хозяйственных занятий населения на одной и той же территории в течении длительного времени – кочевников-скотоводов казахов и земледельцев русских.

Казахи перестали быть номадами в XX в. Будучи кочевниками, казахи появлялись на территориях современной России в летнее время, приходя сюда на свои летние стоянки вдоль небольших рек, таких как, например, Илек, Джарлинка, Кийма в Оренбургской области. Вдоль этих рек находятся древние родовые кладбища казахов. На зиму казахи уходили на территорию современного Казахстана. А центрами притяжения округа становились города Оренбург, Актюбинск, Уральск. В Астраханской и Омской областях, Республике Алтай казахи проживали постоянно, ведя полукочевой образ жизни. Такой ритм передвижения населения был естественным при кочевом хозяйственном типе.

Перевод казахов-кочевников на оседлость в конце 1920-х -1930-е гг. был связан с коллективизацией: аулы оседали на землю и превращались в колхозы, которые поначалу обозначались нумерацией типа «аул №4»; спустя некоторое время колхоз приобретал имя. Таких мелких аулов-колхозов было множество. В 1960-е гг. проводилась политика агропромышленной интеграции, укрупнения колхозов и совхозов. Малые аулы ликвидировались, их население переезжало в новый центр (например, жители аулов Байдалин, Керегай, Артакшил, Каскат, расположенных в 5 км друг от друга, Омской обл. были переселены в аул с говорящим названием Артакшил (то есть «центральный»; правильно было бы писать Ортакшил). На старых местах до сих пор сохраняются кладбища-зиёраты, которые были при каждом ауле. И вот не более десяти лет назад выходцы и потомки жителей таких аулов начали отмечать

коллективные поминки по всем умершим (дога, ас-беру, садака), а на месте бывших аулов около кладбищ ставить памятники с указанием названия исчезнувшего аула и родов, которые в нём проживали (казахская пословица гласит: «Забудешь мёртвых, не будет удачи живому»).

Выходцы из уже несуществующих аулов устанавливают очерёдность – кто будет отвечать за проведение дога, закупать основные продукты, баранов. Ответственный задолго до назначенного дня обзванивает всех, кто когда-то жил или родился в бывшем ауле и приглашает приехать. Как правило, выбирается начало июня, когда устанавливается тёплая погода. Люди приезжают из самых разных мест, география их расселения неограниченна – Россия, Казахстан, любое другое государство, в которое их занесла судьба. В назначенный день все приехавшие отправляются на кладбище, читают молитвы. Затем около кладбища режется баран и варится бешбармак. Здесь же накрывается дастархан. Собравшиеся вспоминают всю историю своих предков, аула, рассказывают о своих новостях. Обычно очередь на проведение дога расписана на годы вперёд.

Замечательно, что между аулами идёт спор о том, кто же первым предложил провести такие дога и поставил первый памятник.

Возникновение такого новшества как нельзя лучше отражает самые разные тенденции. Здесь очевиден рост национального самосознания и этнической идентичности, устанавливается связь с родной землёй, представление о которой наполнено конкретным содержанием, это в том числе сакрализация небольшого пространства, основанная на том, что принято называть «культу предков».

Национальное самосознание и перспективы интеграции. Процесс нациеформирования в центральноазиатском регионе носит сложный и неоднозначный характер. В Центральной Азии не сложились национальные границы. Изначально для этого региона был характерен культурогенез, формирование историко-культурных ареалов с пёстрым этническим составом, взаимодействие динамичного степного населения с городскими цивилизациями.³⁹ А современные нации Средней Азии создавались на протяжении XX в.⁴⁰

В наши дни каждое государство стремится обеспечить однородное национальное самосознание, отличное от традиционного, которое представляло собой «сложный сплав самых разнообразных идентичностей, в основе которых лежали

религиозные, профессиональные и культурные особенности. Этничности в современном понимании этого термина в регионе не было или она только-только зарождалась под видом каких-то локальных идентичностей или политических альянсов»⁴¹. Одним из инструментов создания наций стала мобилизация социальных институтов, которые традиционно регулировали отношения между людьми в обществе. Параллельно, в общественном сознании проводится избирательное и изобретательное конструирование этнически специфических традиций.

Очевидно, что активная урбанизация с конца XX в. и индивидуализация жизни уже в скором времени повлияет на эти институты. Логично предположить, что они выйдут за рамки определённого локуса или системы родства на уровень общенациональный. А пока эти институты востребованы как новые регуляторы норм общественной жизни и символы национального самосознания.

В новейшее время на Западе социально-экономические, политические, культурные, духовные связи в обществе, размыкающие национальные границы и всё теснее связывающие народы друг с другом – объективная реальность.

За годы советской власти была осуществлена огромная работа подготовительного характера, создавшая основания для беспрепятственного включения в систему интеграционных воспроизводственных связей современного мира на основе культуры профессионального уровня. Особенно реально интегративные свойства обнаруживали себя на региональном уровне. В конце XX в. начался регресс этого процесса, связанный с ростом самосознания и саморефлексии.

Бурные события в национальной жизни конца XX в. показывают, добившиеся своих целей новые национальные лидеры очень скоро в своей конкретной политической практике в качестве государственных деятелей становятся перед очевидным фактом, что от реально сложившихся функционально необходимых интеграционных связей им уйти некуда. Тенденции мирового развития показывают, что, наряду с глобальными связями на уровне внутринациональных и внутригосударственных регионов, такой же реальностью мировой истории выступают многонациональные интеграционные экономические и культурно-исторические процессы. Такими крупными структурами стали Организация американских государств, Организация африканских государств, Общий рынок и Европейское экономическое сообщество. Поэтому, с точки зрения глобальных тенденций, евразийская историческая

общность – явление более прочное, чем любые национальные границы и межреспубликанские формы государственного регулирования отношений

¹ Карлов В.В. Народы северо-восточной Евразии в XIX и XX вв. М., 2010; Смит Э. Национализм и модернизм. М., 2004.

² Глушенко Е. Герои империи. Портреты российских колониальных деятелей. М., 2001.

³ Поляков С.П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М., 1989; переиздано в: Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. М., 2004.

⁴ Ларина Е.И., Наумова О.Б. Народное самоуправление у казахов Оренбургской области // Вестник Евразии. Acta Eurasica. – М., 2006. – №4(34).

⁵ Наиболее подробно суды биев охарактеризованы в: Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен / Сост., автор вступит. статьи и глоссария А.А. Никишенков. Под ред. Ю.И.Семенова. М., 2000.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ Ларина Е.И., Наумова О.Б. «Ислам имамов» и традиционализм у казахов России // Вестник Евразии. Acta Eurasica. – 2007. - №3 (37); Ларина Е.И., Наумова О.Б. Современное религиозное сознание российских казахов и ислам имамов // Этнографическое обозрение. – 2008. - №1.

⁸ Поляков С.П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе // Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. М., 2004. С. 178-181.

⁹ Самым подробным образом роль квартальной общины описана у О.А. Сухаревой. Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М., 1976.

¹⁰ Современные этнокультурные процессы в махаллях Ташкента. Ташкент, 2005.

¹¹ Личность и общество. Теоретические вопросы. Практические занятия. Учебное пособие для учащихся академических лицеев и профессиональных колледжей. Ташкент, 2005.

¹² Современные этнокультурные процессы в махаллях Ташкента. Ташкент, 2005. С. 10.

¹³ Там же. С. 14.

¹⁴ Там же. С. 18.

¹⁵ Этнический атлас Узбекистана / Отв. Ред. А. Ильхамов. Узбекистан, 2002. – С. 200.

¹⁶ Выводы сделаны на основе полевого материала, собранного в 2007-2008 гг. в Узбекистане по проекту «Национальные меньшинства в современном Узбекистане», на грант Фонда кадрового резерва «Государственный клуб» (договор №26 от 1.06.2007).

¹⁷ Паломничество в Южный Казахстан как «малый хаджж» у российских казахов // Мир ислама. История. Общество. Культура. Материалы международной исламоведческой научной конференции, 11-13 декабря 2007. М.: РГГУ, Издательский дом Марджани, 2009.

¹⁸ Ротарь И. Зигзаги постсоветского исламизма. Мусульманский ренессанс в странах СНГ принимает противоречивые формы // Независимая газета. НГ-религии. 05.03. 2008. С. 8-9.

¹⁹ О синтезе язычества и мусульманства как основе «народного ислама» обстоятельно написал В.В. Литвинов (религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и нового времени). Елец, 2006. С. 133-143). Синонимичными являются также понятия «традиционный ислам», «бытовой ислам», которые выросли из выделенного И. Гольдциером и Г.П. Снесаревым в 1930-е годы «народного ислама» (Хизриева Г. «ислам», «мусульмане», «государство» в Российском исламоведении // *Ab imperio*. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2004. № 3). Социально-экономическую базу этого явления в центральноазиатском обществе вскрыл С.П. Поляков (Поляков С.П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М., 1989). Постепенно понятие «народный ислам», «традиционный ислам», «бытовой ислам» стали применять и к другим исламским регионам.

²⁰ Подробнее о маршруте, целях и пр. паломничества см.: Е.И. Ларина, О.Б. Наумова. Паломничество в Южный Казахстан как «малый хаджж» у российских казахов // Мир ислама. История. Общество. Культура = The world of islam. History. Society. Culture: материалы Междунар. исламовед. науч. конф. 11-13 дек. 2007 г., Москва, РГГУ. М.: Изд. Дом Марджани, 2009.

²¹ Кукашев Р.Ш. К образу лебедя в казахском шаманстве // Этнографическое обозрение. – 2002. - № 6.

²² Смысл слова «дуана» неопределён. Оно встречается в значении «баксы», «прорицатель», «юродивый», «дервиш», «факир». В дуане видят человека,

деятельность которого несёт в себе и элементы шаманизма, и элементы ислама. Подробнее о значении слова «дуана» и исследованиях см.: Кукашев Р.Ш. К образу лебеда в казахском шаманстве // Этнографическое обозрение. – 2002. - №6. С. 40, 44 (прим. 11).

²³ Полевые материалы автора; г. Омск, июнь 2010 г.; Западно-Казахстанская обл. октябрь 2010 г.

²⁴ Полевые материалы автора. 2-е отделение Новосовхозное, п. Обильное, Оренбургская обл., июль 2006 г.

²⁵ Симаков Г.Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). Санкт-Петербург, 1998. С. 73.

²⁶ Там же. С. 182.

²⁷ Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003. С. 9.

²⁸ ²⁸ Например, вокруг могилы Сеит-бабы в селении Байбек Астраханской области идут споры между его потомками, которые до сих пор собирали садака от паломников, и местной администрацией, благоустроившей территорию и составившей план по использованию дохода на помощь нуждающимся, инфраструктуру, развитие комплекса, создание музея казахов Нижнего Поволжья и др. Это святое место уже выходит за рамки локального уровня, привлекая паломников также из Казахстана. См.: Е.И. Ларина, О.Б. Наумова. Паломничество в Южный Казахстан как «малый хаджж» у российских казахов // Мир ислама. История. Общество. Культура = The world of islam. History. Society. Culture: материалы Междунар. исламовед. науч. конф. 11-13 дек. 2007 г., Москва, РГГУ. М.: Изд. Дом Марджани, 2009.

²⁹ Исхак-баб – считается основателем рода хаджей Аккорган, святыня находится в селении Баб-ата в Созакском районе Южно-Казахстанской обл. Его отождествляют с Исхаком ат-Турком (X в.); Арслан-баб (ум. в 1166-67 гг.) – легендарный учитель хаджи Ахмада ал-Йасави, мавзолеей находится в посёлке Шаульдер (древний Отрар) Южно-Казахстанской обл.; хаджи Ахмад ал-Йасави (ум. в 1162 г. или в нач. XIII в.) – суфий, основатель ордена Йасавийа, мавзолеей находится в г. Туркестане (Казахстан), мемориал воздвигнут по приказу Тимура (1398 г.). Традиционно дата смерти ал-Йасави указывается как 1162 г. см.: Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм. Краткая история. М.-СПб., 2004. Девин ДиУис настаивает на отнесении её к началу XIII в. См.:

Девин ДиУис. Маша'их-и турк и Хваджаган: переосмысление связей между суфийскими традициями Йасавийа и Накшбандийа // Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования). СПб., 2001. С. 215. Посещение этих святых приравнивается к посещению могил пророков, а также хаджу и получило название «малый хадж».

³⁰ Ларина Е.И., Наумова О.Б. Современное религиозное сознание российских казахов и ислам имамов // Этнографическое обозрение. - 2008. - №1.

³¹ Кныш А. Теория и методология исламских исследований // Мир ислама. История. Общество. Культура = The world of islam. History. Society. Culture: материалы Междунар. Исламовед. Науч. Конф. 11-13 дек. 2007 г., Москва, РГГУ. М.: Изд. Дом Марджани, 2009. С. 12.

³² Литвинов В.П. Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и нового времени). Елец, 2006. С. 220-221

³³ «Манас» – киргизский народный эпос, основное ядро которого сформировалось в 15-18 вв. Полный вариант эпоса содержит более полумиллиона стихотворных строк.

³⁴ Святые места Иссык-Куля: паломничеств, дар, мастерство. Бишкек, 2009. С. 48.

³⁵ Айтпаева Г., Алдакеева Г., Эгембердиева А. Рядовые ислама, или феномен молдолор в современном Кыргызстане // Этнографическое обозрение. – 2010. - №5; Aitpaeva G. The Phenomenon of Sacred Sites in Kyrgyzstan: Interweaving of Mythology and Reality // Conserving Cultural and Biological Diversity: The Role of Sacred Naturel Sites and Cultural Landscapes. Materials of International Symposium, Tokyo, Japan, 30 May -2 June, 2005. Paris, 2006. P. 121.

³⁶ Историко-культурное наследие Туркменистана. Энциклопедический словарь / Сост. И общая ред. О.А. Гундогдыева и Р.Г. Мурадова. Турция, 2000.

³⁷ Wild R., McLeod C. Sacred Natural Sites. Guidelines for protected area managers. Gland, Switzerland: IUCN. 2008. P.60.

³⁸ Ерназаров Ж.Т. Семейная обрядность казахов: символ и ритуал. Алматы, 2003; Толеубаев А.Т. Реликты домусульманских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX в.). Алма-Ата, 1991.

³⁹ Горак С. В поисках истории Таджикистана: о чём таджикские историки спорят с узбекскими? // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. Центральная Азия. Узнаваемые образы / неизвестный регион. – 2009. - №4 (066); Масон В.М. Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб., 2006.

⁴⁰ Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб., 2007.

⁴¹ Там же. С.179.

The 3rd Korea-Central Asia International Conference

**Central Asia's Identity in Politics and Culture
: the Present and the Future**

Session II

Socio-cultural Changes and National Identity in Central Asia

**The Search for Identity in the Central Asia
: Between Post-Soviet Culture and Eurasian Civilization**

Asia-Pacific Research Center, Hanyang University, Seoul, Korea,

November 26, 2010

Chaikovskii, Sergei

Professor, Chongju University

Центральная Азия в поисках идентичности: между пост-советской культурой и евразийской цивилизацией

Из-за своего географического положения, Центральная Азия еще на заре истории была культурным перекрестком древних цивилизаций. Во времена Великого Шелкового Пути, по которому проходили караваны не только с различными восточными и западными товарами, но проникали и духовные ценности, религиозные идеи, она оказалась в центре внимания международных интересов и деятельности. Торговля велась товарами со всего мира, границы были согласованы, происходил не только глобальный обмен товаров, но мыслей и теорий. Это не просто совпадение, что префикс "Центральная" или "Средняя" является неотъемлемой частью названия региона.

Тысячу лет спустя, этот огромный регион, который простирается от Каспийского моря до хребта Памира, и из Афганистана на юге до Сибири на севере, был включен в царскую, а позже, советскую империю. На протяжении десятилетий, республики Центральной Азии получали выплаты из Москвы в масштабах, которые позволяли создавать инфраструктуры почти европейского уровня. В свою очередь, область - богатая таким сырьём, как хлопок, золото и уран - была использована и загрязнена ядерными экспериментами, проведенными в Семипалатинске, в Казахстане, хранением радиоактивных отходов в Майлуу-Суу, в Кыргызстане и находящегося на пороге экологической катастрофы Аральского моря в Узбекистане. За семьдесят лет советской власти, были предприняты серьезные попытки подавить аспекты местной культуры, включая религию и любые сепаратистские чувства этнической идентичности.

Когда Советский Союз распался в конце 1991 года, пять новых республик Центральной Азии - Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан - были наименее подготовлены к независимости. Она пришла больше как удивление и неожиданный подарок, чем результат политической борьбы или гражданского недовольства. В отличие от балтийских или даже кавказских советских республик, у них практически не было ни интеллектуальных ни организационных стремлений к независимости ¹.

Будучи затронуты этими изменениями, государства Центральной Азии пытаются найти новую основу для избавления от советского прошлого и примирения с их национальными особенностями. После почти 20 лет независимости, с той или иной степенью успеха, пять стран все еще находятся в процессе поиска своей идентичности, преобразования своих систем от советской плановой экономики к рыночной, от тоталитаризма к управляемой демократии.

Три этапа в развитии независимости стран Центральной Азии

Первый этап независимости до 2001 года проходил в регионе без проявления большого интереса со стороны иностранных государств: Россия была полностью занята своими делами, США и Европа - организацией нового мирового порядка и созданием Европейского Союза. Так что, вряд ли кто обращал внимание на деятельность правительства пяти государств, которыми, за исключением Кыргызстана, первоначально руководили бывшие коммунистические лидеры. Каждое правительство преследовало, конечно, свои собственные интересы, редко принимая во внимание влияние на регион. Тем не менее, страны Центральной Азии являются материковыми и их объединяет почти семьдесят лет общей истории и инфраструктура, которая была создана на региональном, а не на национальном уровне. Прежде всего, это включает в себя объекты для эксплуатации водных ресурсов, а также поставок энергоносителей и торговые пути.

Тем не менее, в путях развития пяти государств в этот период могут быть найдены коренные различия. Президент Туркменистана Ниязов и его узбекский коллега Каримов избегали курса шоковой терапии. Вначале это казалось успешной стратегией, так как странам удалось избежать социальных протестов и беспорядков, которыми страдала Россия 90-х. Таджикистан, тем временем, погряз в пучине гражданской войны и президент Рахмонов, вплоть до 1997 года, был не в состоянии проводить какие-либо значимые изменения. Казахстан и Кыргызстан проводили реформы наиболее успешно.

¹Denison M. «Identity politics in Central Asia». Asian Affairs, vol. XXXIV, № 1. 2002.

Казахстану, девятой по величине стране в мире, помогли, в частности, его запасы нефти в Каспийском море. Глава государства Назарбаев предоставил значительную свободу и возможности для предпринимателей, которые в полной мере этим воспользовались.

Террористические атаки 11 сентября 2001 г., и последующая война в Афганистане, поставили страны Центральной Азии в центр международной политики. Так начался второй этап в развитии независимости в этих странах. В одночасье, эти соседние государства стали стратегически важны в войне против террора. США направили свои войска в Узбекистан и Кыргызстан, в 2002 году президент Соединенных Штатов Джордж Буш встретился с Исламом Каримовым в Белом доме, в Вашингтоне. На мгновение показалось, что появилась реальная возможность прояснить «недоразумения» между Востоком и Западом в Центральной Азии, и разрушить некоторые из классических стереотипов, типа: «демократия по западному образцу - хаос» или «исламские государства не способны к демократии». Война в Афганистане выступала как катализатор, средство помощи этим государствам - с населением около 60 миллионов граждан – в деле избавления от тяжелого бремени советского наследия. Однако период взаимного доверия было недолгим. Когда заголовки газет о цветных революциях в Грузии и в Украине достигли Центральной Азии, настроение резко изменилось. Революционная волна также достигла Кыргызстана, где в марте 2005 года, протесты граждан против фальсификации парламентских выборов привели к бегству Акаева в Россию. Хотя режим в Туркменистане под руководством пожизненного президента Ниязова, Туркменбаши - отца всех туркмен - основывался на диктатуре во внутренней политике и нейтралитете во внешней политике, правительство президента Каримова в Узбекистане чувствовало себя обманутым. Как США, с одной стороны, призывает к стратегическому партнерству и имея военную базу в Узбекистане, с другой стороны стремится свергнуть его режим? Критика двойной стратегии США и Запада в целом также усилилась в Казахстане и в Таджикистане.

В 2005 году на заседании Шанхайской организации сотрудничества, состоявшемся в Астане, государства-члены подписали резолюцию, в которой потребовали, чтобы все иностранные государства закрыли свои военные базы в Центральной Азии. Присутствие американских войск приносило, по их мнению, не только отрицательный, но и всё более растущий риск для безопасности региона. Все это напоминало "Большие

игры" в последние годы 19-го века, когда Россия и Англия боролись за влияние в Центральной Азии. С двумя значительными различиями: сегодня в этом участвуют также США, Китай и ЕС и, что гораздо более важно, страны региона сами являются суверенными государствами.

События 2005 года в Бишкеке и Андижане, таким образом, знаменуют собой начало третьего периода становления независимости в государствах Центральной Азии. Этот этап в молодой истории Центральной Азии характеризуется потерей веры в Запад, который обвиняют в двойных стандартах. События в Андижане повлияли не только на политику Узбекистана, но и всего региона. После нескольких лет непростых отношений с Россией и краткого стратегического партнерства с США, президент Каримов был встречен в Кремле с распростертыми объятиями. Другие страны региона заняли выжидательную политику. Главная особенность третьей фазы развития Центральной Азии является то, что правительства имеют тенденцию реагировать, а не действовать - в отношении политических трудностей, экономических проблем и вопросов идентичности.

В поисках идентичности (на примере Казахстана)

Понятие идентичности пришло в исследования международных отношений сравнительно поздно – лишь в 1990-е годы оно перестало быть экзотикой. Психологи, социологи, антропологи к тому времени уже десятилетиями разрабатывали тему индивидуальной и групповой самоидентификации². Что же объединяет граждан Центральной Азии с момента распада Советского Союза, когда идея коммунизма перестала служить в качестве связующего агента? После распада СССР и обретения независимости происходил поиск новых идентификационных матриц в бывшем общесоюзном пространстве. Менталитет людей в Центральной Азии, имея давние традиции терпимости, не ограничивается исключительно поиском собственной идентичности, но является вполне открытым и пытается объединить прошлое с настоящим. Такое стремление может быть успешным только, когда государство и общество объединены в совместных усилиях для продвижения вперед. Воля

правительства является наиважнейшим фактором, от которого многое зависит, в чем нас убеждает пример Казахстана.

Долгое время тюрко-мусульманские народы были лишь предметом дискурса евразийства, но не его авторами. В последние годы, однако, в евразийстве происходят заметные изменения: мы видим, что эта идеология берется на вооружение и при этом, разумеется, реинтерпретируется официальными кругами Казахстана²³.

Эта страна стремится одновременно выработать государственную идентичность, найти свое место в Центральной Азии и создать более широкое региональное объединение в масштабах континента. Евразийство – по крайней мере идеологически – отвечает решению этих задач. Развиваемая ими новая версия евразийства по многим позициям отличается от евразийства русского. В России сторонники евразийства не находятся у власти, оно не сумело или не смогло заявить о себе как организованное политическое движение. Казахское же евразийство – это в основном государственная идеология, проповедуемая самим президентом Назарбаевым, который взял на вооружение и по своему использовал национальную евразийскую традицию, сложившуюся в 70-е годы вокруг мыслителя и поэта Олжаса Сулейменова. (В 1974 году Олжас Сулейменов публикует свою знаменитую книгу «Аз и Я». В ней он стремится показать ведущую роль тюркского мира в древней русской истории. Книга была вскоре запрещена советской властью.)

В том виде, в каком оно формируется в Казахстане, евразийство отличается от других его вариантов прежде всего по форме. Многочисленные заимствования из советского языка делают его наименее проработанным в философском и культурном плане. В нем и вправду немало характерных риторических формул, типичных для советской эпохи: многокультурность, симбиоз, многонациональность, поликонфессиональность, единство в многообразии... Характерны для него и дежурные ссылки на расположение Казахстана на перекрестках Старого Света: вновь и вновь говорится о «Шелковом пути», развивается тезис о том, что Казахстан сочетает в себе

²Морозов В.И. «Понятие государственной идентичности в современном теоретическом дискурсе». **Международные процессы** Т. 4. № 1 (10). 2006

³Ларюэль М. «Переосмысление империи в постсоветском пространстве: новая евразийская идеология». Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры, № 1, 2009

все лучшее, что есть в Европе (рациональность, технологию и т.д.) и в Азии (мудрость, мистицизм и т.п.)⁴.

Евразийство в Казахстане – почти полная противоположность евразийству в России. Оно подчеркивает европейские составляющие страны и уделяет сравнительно мало внимания исламу и Востоку. Чтобы имидж Казахстана не оказался слишком «тюркским» или «мусульманским», приходится разыгрывать карту национального многообразия, напоминать об аккультурации казахского населения в ходе его соприкосновения с русским миром. Напротив, этнорелигиозные факторы рассматриваются как вторичные, и в целом предпочтение отдается политическому и экономическому прагматизму, который, как ожидается, будет господствовать в XXI столетии.

4

Не желая, чтобы их страна затерялась в классическом мусульманском мире, в оседлоземледельческом мире Центральной Азии, казахские руководители ссылаются на Библию (т.е. фактически ведут экуменистский дискурс) и подчеркивают кочевнический, степной характер культуры Казахстана. А то положительное, что ассоциируется с «Востоком», никогда напрямую не связывается ими с исламом или тюркоперсидской культурой, но исключительно с Китаем или Юго-Восточной Азией. Восприняв доводы, почерпнутые евразийцами в области культуры, Назарбаев использует их в экономических целях: коль скоро Казахстан находится в окружении русского, тюрко-персидского и китайского миров, ему следует равно знать и использовать и европейскую технологию, и тюркский светский модернизм, и авторитарный капитализм Юго-Восточной Азии (последний долгое время служит казахстанским руководителям главным образцом для подражания).

Назарбаев подходит к евразийству в основном прагматически. Он надеется преодолеть последствия распада СССР посредством многосторонней экономической, а затем и политической интеграции постсоветского пространства. На саммите стран СНГ, состоявшемся в октябре 1994 года, он выдвинул проект «Евразийского Союза», который заложил бы основы нового сообщества, не обремененного марксистской идеологией и куда более свободно структурированного, чем Советский Союз. Но силой

⁴Назарбаев Н.А. «Евразийский союз: идеи, практика, перспективы 1994-1997». М., 1997

общегражданской конструкции и идентификационным критерием термин евразиец не обладает ни в России, ни в Казахстане, который стал родиной возвращения концепции современного евразийства на постсоветское пространство. Это скорее политический и цивилизационный конструкт, институализированный в рамках ряда плодотворных организаций как ЕЭП, ЕврАзЭС и других.

Заключение

После распада Советского Союза, независимые государства Центральной Азии пользуются большей степенью автономии, но они сталкиваются с целым рядом сложных социальных, политических и экономических проблем, которые в будущем могут развиваться и изменяться в пределах региона в разных направлениях. Поиски идентичности часто пересекаются с поиском соответствующих региональных или международных сообществ. Играя все более важную роль в глобальной политике, идентичность часто используется в политике для покрытия некомпетентности и отсутствия прогресса во внутренних делах. Евразийство заслуживает того, чтобы его знали лучше, так как оно по-настоящему разработано, теоретически обосновано и нацелено на реидентификацию.

В случае с Казахстаном, евразийство выглядит как типичный пример идеологии с «изменчивой геометрией», что объясняет его успех среди политиков и интеллектуалов, а также казахстанских руководителей. Они отвергают европейский путь развития во имя сохранения замкнутых культурных миров, миры эти понимают как «цивилизации», считают, что индивид должен быть подчинен стоящему над ним коллективу, империю полагают единственной возможной для Евразии формой государственности, и, наконец, почетное место отводят тюркскому миру и исламу. При всей своей внешней многоликости, евразийство обладает реальным единством мысли, концептуальным единством. Современный мир, несомненно, медленно, но неуклонно движется к новой исторической общности с несколькими геополитическими и этно-конфессиональными центрами ⁵. В этом смысле евразийство является источником новых идей, путем

переосмысления направления и ему, по-видимому, суждено получить дальнейшее распространение и новое истолкование среди стран Центральной Азии.⁵

⁵Чайковский С. И. «Евразийская идентичность: психология культурных различий». 2-я международная конференция: Россия – Евразия. 2010